

Фриц МАУТНЕР

22.11.1849 - 29.06.1923

АТЕИЗМ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Перевод с немецкого
Игоря Яковлевича Колубовского

ЛЕНИНГРАД-МОСКВА
Издательство «Петроград». 1924

**Глава I. Проповедь атеизма
в современной революции философской литературе**

**Глава II. Общий ход революционного движения.
Роль Робеспьера**

Глава III. Атеисты-практики

**Глава IV. Культ «верховного существа»
и последующие судьбы
антирелигиозного движения во Франции**

Глава V. Атеизм в эпоху Наполеона

Веб-публикация: Vive Liberta и Век Просвещения, 2011
Дополнительные материалы
указаны нами после текста книги.

ГЛАВА I.

Проповедь атеизма в современной революции философской литературе.

В Англии просветительное движение деизма объединилось со скепсисом Юма, в Германии тот же самый английский деизм заключил союз с мистическим устремлением наиболее выдающихся писетистов, и пределом развития деистических стремлений здесь явились всего лишь критики Канта; во Франции, между тем, подлинный скепсис и подлинная мистика были оттеснены на задний план под напором бурных политических стремлений, просветительство привело здесь к государственному перевороту, в ходе которого старый господь-бог оказался сданным в архив почти на целое десятилетие.

Благодаря настойчивости Д'Аламбера и ловкости Дидро, главным же образом вследствие нападок со стороны церковных и правительственныех кругов, Энциклопедия, сначала только коммерческое предприятие издателей, сосредоточила вокруг себя все силы французского и вообще континентального свободомыслия; дух времени был революционным. В силу этого словарь, растянувшийся на 28 томов, за время своего издания от 1751 до 1772 г., мало-по-малу приобрел руководящую роль в деле развития европейского миросозерцания; взгляды английских вольнодумцев в области политики и религии стали, вследствие того, достоянием всех образованных людей; в значительной степени расширился круг всех естественно-научных и в неменьшей мере—

технических знаний. Установку всякого рода общих точек зрения в сфере науки и политики охотно называли философией; философия была тем новым, что противопоставлялось прежнему суеверию.

Последний дополнительный том Энциклопедии, указатель, появился в свет лишь в 1780 году. К этому времени у одного издателя возник снова план выпустить в свет уже не исправленное издание универсального словаря, но совершенно особый коллективный труд, построенный на новых началах. Как и всегда, в тех случаях, когда наиболее замечательные ученые своего времени в течение десятилетий работают над составлением общей сводки научных достижений, к моменту своего завершения предпринятый труд становится устаревшим. С первого взгляда было ясно, что энциклопедия имеет ряд недостатков, которые должны быть устраниены; над ней работали люди самых различных направлений, часто бездарные компиляторы; там и здесь остались пробелы, специальные сведения были разбросаны в бесчисленном количестве мелких заметок, наконец, повсюду мы натыкались на затемняющие дело противоречия; новая „Методическая Энциклопедия“ должна была, следовательно, стремиться к тому, чтобы дать итог знаний в гораздо более обширных и связанных статьях, заполнить пробелы, устранить противоречия и провести руководящие тенденции тверже, чем это удалось сделать знаменитым энциклопедистам. Обстановка изменилась к лучшему; правда, признаки приближающейся великой революции не для всех еще были ясны в 1782 г., когда появился первый том улучшенной Энциклопедии, но этот год ознаменовался победой Америки над Англией в войне за независимость; Франция участвовала в этой борьбе и кроме того, к этому времени она должна была решиться на внутренние реформы (финансовые затруднения и стремления к свободе сплошь и рядом переплетались между собой).

³ Если сравнить с положением 20 лет назад, все в значительно большей мере благоприятствовало осуществлению нового литературного памятника вольнодум-

ства, за исключением лишь того, что тогда во главе дела стояли Дидро и Д'Аламбер, сотрудниками были Вольтер и Руссо (последний, правда, не до конца); теперь же эти главари сошли уже со сцены (Дидро был стар и утомлен) и только Нэжон, помимо Дидро, оставался в живых. И вот атеист Нэжон взял на себя редактирование тех томов до нельзя растянувшейся „Методической Энциклопедии“, которые охватывали область философии, но он же, видимо, оставался душой и всего предприятия.

Нэжон был незначительным писателем, хвалившимся дружбой с Дидро и своим участием в первой Энциклопедии, где помещено несколько его статей. Нэжон не упускает случая упомянуть о Дидро, как о своем интимном друге. Сразу же после смерти последнего (1784 г.) он начал писать свои довольно полезные воспоминания об учителе. В ноябре 1789 г., т.-е. вскоре после того, как разразилась революция, им была составлена статья „Дидро“ для „Методической Энциклопедии“ (второй том, отдел философии). Автор вполне освоился с изменившейся обстановкой и не жалеет свободолюбивых фраз, соответствовавших моде того времени. Введение к Энциклопедии от 1782 г. чуждо еще подобного более свободолюбивого направления; приводятся критические замечания Вольтера и самого Дидро о первоначальной Энциклопедии и этим обосновывается необходимость улучшений.

Но если руководящую роль в новой Энциклопедии играл человек с узким кругозором, тем значительнее были сотрудники-специалисты. Достаточно назвать здесь наиболее знаменитых: астрономией заведывал Лаланд, физикой — Монж, ботаникой — Ламарк, отдел богословия был в руках духовника, „monsieur“ брата короля; в своем предисловии он жалуется, что в первой Энциклопедии с богословием дело обстояло особенно плохо: статьи не были исчерпывающими, изобиловали ошибками и уклонялись от ортодоксальных взглядов.

Отдел философии таким образом перешел к Нэжону. Он считает нужным внести много изменений в старый

материал, но оставляет, однако, нетронутыми части, принадлежащие Дидро. Прежде всего, его заботит отдел истории философии. Здесь он старается искоренить тот ложный взгляд, согласно которому уже грекам приписываются открытия и теории нового времени. Новая философия должна быть выдвинута на первый план, не следует слишком высоко оценивать связи между древним и новым философствованиями.

Первый том отдела „Philosophie ancienne et moderne“ (36 т. всей серии) появился в 1791 г., в предисловии говорится о Дидро столь же любовно, как и в программе 1782 г., но уж без прежнего благоговения. Нэжон сознает, что он теперь в силу наступивших давно жданных политических изменений располагает гораздо большей свободой, чем его знаменитый друг; он надеется не отстать от века, тому порукой — свойственная ему живость характера и одушевляющая его любовь к истине; не окажется у него также недостатка и в прилежании; во введении он обрушивается на физику и метафизику древних, где все якобы неопределенно, темно и мало понятно.

Первый том, появившийся таким образом после победы умеренных конституционалистов и содержащий статьи, написанные несколькими годами раньше, не к своей выгоде отличается от первоначальной серии. Статьи проникнуты большой трезвостью; отсутствуют всякие знаки почтения по адресу ортодоксальной церкви, но за то нет и скрытых выпадов против суеверия. Статья „Атеисты в древности“ составлена довольно сухо (она скомпилирована Нэжоном, но не подписана им); в ней излагается главным образом система Эпикура, но вовсе не привлекается к делу гилозоизм, который на самом деле гораздо атеистичнее. Делается беглое замечание, что возражения против ортодоксальной системы значительно сильнее доводов, опровергающих новый и древний атеизм. Совсем как и в обычных компиляциях, но с меньшей полнотой, чем у Брукера и несравненно менее критично, чем у Бэйля, приводятся отдельные цитаты из Платона и Аристотеля, а также из более древних философов, то в целях превращения

их в атеистов, то ради отнятия у них этого звания. Автор в конце концов устанавливает 4 вида античного атеизма: материализм первобытного Анаксимандра, атомизм Демокрита, учащего о случайному возникновении всего мира из атомов; атеизм стоиков, заставлявших действовать слепую природу согласно определенным законам, наконец, гилозоизм Стратона, приписывающего материю известную жизненность, хотя еще и далекую от чувства и разумности. Далее Нэжон очень резко отзыается о системе атеизма, — более резко, чем это делалось в соответствующих статьях первой Энциклопедии. „Подобно потому, как врачи говорят о водобоязни, как об особой болезни, так и у атеистов можно обнаружить своего рода манию, так сказать, пневматофобию или духобоязнь; в силу этого они испытывают отвращение ко всяkim нематериальным субстанциям, не допускают веры в них“. Нападки на атеизм в прежней Энциклопедии носили гораздо более резкий тон; несравненно более энергичной была защита веры в бога, поскольку последняя понималась в духе религии разума; наконец, мы встречаем даже заявления о добровольном подчинении господствовавшей во Франции католической церкви. Но все это лицемерие не служило помехой к тому, что вдумчивые читатели первой Энциклопедии в наиболее важных статьях натыкались на ироническое презрение к церкви и проведь материализма, отрицающего бога. Это впечатление достигалось путем мастерского приспособления к обстоятельствам и еще более мастерской игры намеков. Читатели и авторы далеко заглядывали вперед. Наоборот, Нэжон, который пользовался гораздо большей свободой, только тащился в хвосте своего времени. Это в особенности ясно из 2-го тома философского отдела; этот том появился в 1792 г., к тому времени, когда революция уже окончательно победила. Достаточно вспомнить, что новый революционный календарь, ставший, правда, законом лишь годом позже, начинает вполне правильно свое летоисчисление с 22-го сентября 1792 г., того дня, когда Франция стала республикой. Но не нужно забывать и того,

что сначала победила Жиронда. Нэжон так же полон колебаний в своих взглядах, как и жирондисты колебались в вопросах политики. Том 1792 г., в силу этого, содержит ряд статей, подписанных Нэжоном или „Гражданином Нэжоном“ и рассматривающих христианство в качестве исторического явления, уже преодоленного теперь; то, чего не могли себе позволить энциклопедисты, могло быть теперь высказано благодаря революционным завоеваниям. Нэжон решительный враг христианства. Его связь с Дидро в этом пункте уясняется совершенно определено из статьи „Иисус Христос“. Но к старой статье присоединено несколько вступительных страниц. Дидро, не высказывая своего истинного мнения, излагал только в виде исторических и внешних сведений все то, чему учил 18-й век относительно личности основателя новой религии и созданной им церкви. Нэжон выступает против редактора богословского отдела собственной „Методической Энциклопедии“, которому он ставит в упрек глупое легковерие; Бержье поступил бы правильнее (позволь ему религиозные предрассудки хоть не надолго пользоваться светом разума), превратив в мифологический словарь свою сводку цитат из богословских сочинений; из этого источника через 5 или 6 столетий ученые могли бы почерпнуть сведения о верованиях христиан; все религии становятся рано или поздно мифологиями: все дело только в сроке: смешно выдавать христианское богословие за положительную науку; сегодня все это называется религией, а завтра окажется надоевшей сказкой. „Для верной оценки религии, укоренившейся в народе и почитаемой им за святыню, существует только одно средство: нужно сразу перенестись на семь или восемь столетий вперед и затем уже беспристрастным взглядом окинуть пути исторического развития“.

В статье „Дидро“ Нэжон дает предварительные выдержки из тогда еще не опубликованных им воспоминаний о деятельности его учителя и „друга“. Многочисленные цитаты из „Pensées philosophiques“ вводят в круг мыслей Дидро. Дидро брал исходной точкой

(если не считать некоторых новых, собственно ему принадлежащих прозрений) взгляды наиболее радикальных английских действ. В сущности говоря, Дидро, а теперь также Нэжон, не выходят тут из пределов, намеченных стариком Бэйлем, который за полвека до первой и за век до второй Энциклопедии хотя и признавал церковь, но требовал веротерпимости не только для иначе верующих, но и для атеистов. В числе выбранных Нэжоном мыслей Дидро входит также следующий афоризм, целиком согласующийся с Бэйлем: „Только действует может совладать с атеистом. Суеверный здесь бессилен; его бог чисто воображаемое существо. Он должен бороться не только с теми трудностями, которые возникают по существу дела, но также и с порождениями собственного заблуждения. Такого атеиста, как Ванини, гораздо скорее наставили бы на путь истинный К(оллинс) и Ш(ефтсбери), чем все Паскали, взятые вместе“.

Более характерными для изменившейся обстановки и для противохристианской тенденции полного безбожия, которая проводится Нэжоном, являются небольшая статья о Кнутсене, и более обширная о Кардане. Маленькая заметка носит заголовок: „Conscientiares“. В 1674 г. Германии появилась секта „сознательных“ (conscientiarii), основателем которой был Матфей Кнутсен. Этот яростный богоотрицатель и еще более крайний анархист обычно совершенно замалчивается, как будто бы его вовсе не существовало, так что до читающей публики не доходит никаких сведений обо всем этом движении. Поэтому замечательно уже и то, что Нэжон (правда, очень плохо осведомленный) переводит сохранившееся письмо Кнутсена и смело опровергает путем предположительных догадок возражения на это письмо, хотя самую полемику он не читал: никому из здравомыслящих людей в настоящее время нет никакого дела до богословских вопросов; глупо было бы заниматься рассмотрением глупых взглядов. Более заслуживает внимания то обстоятельство, что Нэжон склонен защищать также и анархиста

Кнутсена, в особенности его два положения, что не-зачем считаться с властями и что нет различия между браком и развратом. Конечно, Нэжон очень далек от признания правоты всех выводов Кнутсена.

Несколько иначе обстоит дело со статьей „Кардан“; она, очевидно, написана очень поздно, принадлежит к числу самых свежих из всех вошедших во второй том заметок и целиком отражает влияние окружающих настроений. Снова Нэжон откровенно заявляет, что о большинстве работ мыслителя он знает только из вторых рук, снова ввязывается в полемику со всякого рода историками философии; но все свободнее в многочисленных замечаниях выражается его антихристианское и безбожное направление. Религия и суеверие (заметьте: религия вообще, la religion, а не только христианство) для подлинной философии слова равнозначные. Обращение к богу и воздаяние благодарности ему, как судии над всем, годятся только для катехизиса, но не для исследования о нравственности. То, что Кардан говорит об астрологии, сновидениях, демонах, магии и т. д., в достаточной мере неумно и плоско, но во всяком случае не превосходит своею нелепостью догматов и чудес христианства; Кардан никогда не доходит до религии, как предмета верования, или до фетиша, как предмета поклонения.

Наибольшую смелость Нэжон проявляет при упоминании известного пророчества Кардана. Последний возвестил, что в 1800 г. произойдет большое изменение в учении Иисуса Христа. Нэжон прибавляет от себя: „Более чем вероятно, что это пророчество теперь уже почти исполнилось, рано или поздно обнаружится полностью все его значение... Христианская религия придет к своему концу подобно всем суевериям, но в этом будут повинны не планетные влияния, но естественный и необходимый ход все усиливающегося просвещения“.

Третий том появился во „второй год французской республики единой и неделимой“, возник, следовательно, в 1794 г., когда Жиронда была уже побеждена Робеспьером и началась борьба с атеистически настроен-

ными гебертистами. Нэжон решительно становится на сторону атеизма. Но не во всех статьях. Мы встречаем отрывок, посвященный материалистам и являющийся отзвуком интеллектуализма Кэдворса, где в достаточно сколастической форме рассматривается вопрос, должны ли отвергать бога люди, признающие в действительном мире только тела. Во всяком случае, для этого третьего тома характерно, что Нэжон счел своеевременным упрекнуть в религиозной отсталости Д'Аламбера и даже Вольтера.

Резкий выпад против Д'Аламбера мы встречаем в статье „Mirabaud“ (мнимый автор „Системы природы“ род. в 1675 г., ум. в 1760 г., которого не следует смешивать с графом Мирабо (Mirabeau)). Д'Аламбер в своем сочинении, где излагается, собственно говоря, история французской академии, высказывает сомнение, действительно ли принадлежат Мирабо те сочинения, где отрицается бессмертие души; вполне справедливо Нэжон делает замечание, что Д'Аламбера прекрасно было известно действительное авторство Мирабо и он сомневался только для виду, так как считал неудобным, что члена французской Академии приходится отнести к числу неверующих. Нэжон придирается также к другим обнаружениям „трусости“ Д'Аламбера, который в глубине души был атеистом, или, по крайней мере, пантегистом, питал твердо укоренившуюся ненависть к попам, испытывал крайнее презрение к их учениям—и все же защищал официально религию страны при помощи недостойных философа общих мест. Нэжон уверяет, что он сам часто упрекал в этом своего друга Д'Аламбера еще при жизни последнего. Д'Аламбер действительно скрывал от публики те взгляды, которые он исповедывал в письмах и в частных разговорах. Но Нэжон не должен был бы забывать, что его гораздо более пылкий „друг“ Дидро был еще большим искусствником в деле сокрытия своих мнений и что энциклопедисты не дожили до победы революции и до той свободы слова, который пользовался он—Нэжон.

Несколько более лучшее знание человеческой души обнаруживает Нэжон в своем нападении на Вольтера.

которое он производит в конце статьи „Мелье“. Нэжон не ограничивается просто пересказом завещания священника-атеиста, которого, по примеру Вольтера, называет достойным пастырем. В самых сильных выражениях он присоединяется к политическому и религиозному радикализму этого писателя-атеиста; он обвиняет Вольтера в том, что тот превратил Мелье в дешеста и попросту выпустил то признание в атеизме, которое можно найти в „Завещании“. Нэжон пользуется случаем поставить в упрек величайшему французу XVIII в. его лицемерное поведение в течение всей жизни. Вольтер всегда защищал догмат о существовании бога, но не в качестве собственного мнения, а лишь как учение, полезное для правительства. Он был атеистом-политиком. „Самый красноречивый проповедник в государстве, добивающийся наибольших успехов апостол евангелия—это палач“.

В довольно хорошо написанной статье об английском дешесте Толанде (подписано: „Cet article est du citoyen Naigeon“) обнаруживается со всей силой та мелочность Нэжона, с которой он пользуется обретенной свободой писания. Более почтительно, чем о Вольтере и о Д'Аламбере, он отзыается о Бэйле, которому готов простить многое за защиту атеистов, вопреки господствующему мнению, вовсе не посягавших на спокойствие и жизнь своих сограждан. Богословские писания Ньютона рассматриваются Нэжоном просто, как достойные всякого осмеяния работы помешанного. Книги ветхого завета отвергаются. „Нужно только почитать библию—и вы ознакомитесь в достаточной степени со всеми видами сумасбродства и глупости, на которые способны люди, и узнаете, до какой степени легковерия могут довести их невежество и фанатизм, смущающие и притупляющие человеческий ум“. Богословы, защищающие бессмертие души и т. д., всего только софисты, когда верят в свое собственное учение; но они мошенники и плуты, если даже не верят тому, чему учат. „Все религии без исключения, главным же образом христианская, являются ужаснейшими напастями, которые когда-либо обрушивались на род

человеческий. Устраните только из мировой истории те преступления, которые совершились во имя бога и богов, и вы вычеркнете из истории большую часть тех отвратительных деяний, из которых она состоит“.

Очень слаб Нэжон в тех пунктах, где он пытается вносить поправки в натур-философию Толанда на основании своих якобы более обширных естественно-научных данных. Нэжон вовсе не понимает нового и нынешней физикой признанного учения о том, что молекулы внутри скалы, бруска железа или слитка золота находятся в непрерывном движении. Еще более смелое утверждение, опять-таки принимаемое за возможное или, по крайней мере, вероятное современной наукой, именно, что все вещества сводятся к одной общей основе и что следовательно существует единственная, вечная, бесконечная и неизменно движущаяся материя, Нэжон попросту объявляет грубой ошибкой Толанда.

В некоторых отношениях замечательной и показательной для Нэжона, как журналиста, является статья „Паскаль“, которая опять-таки попала лишь в дополнения к третьему и последнему тому, следовательно, написана в самый последний момент. На этот раз можно определить точно время написания: так Нэжон мог писать лишь после 9 термидора или после произошедшей на следующий день казни Робеспьера (28 июля 1794 г.), только тогда он мог себе здесь позволить все многочисленные ругательства по адресу этого человека. Нэжон ожидал статьи о Паскале от Кондорсэ; он живо рассказывает, как до последней минуты надеялся на спасение этого неоценимого ученого, который, как известно, предпочел самоубийство гильотинированию. По этому случаю якобинцы обзываются кровожадными тиграми, Робеспьер—подлейшим из всех преступников, жестоким тираном, не уступающим Нерону, верхом человеческой преступности. Нужно иметь в виду, что борьба с католической церковью прекратилась не сразу после падения Робеспьера, и что следовательно, Нэжон не мог знать, что окончание террора приведет к восстановлению церкви во Франции.

Но тем не менее, получается такое впечатление, будто редактор при печатании последних листов чувствовал себя не столь уверенно, как в начале тома. В той же самой статье о Паскале в числе прочих изречений „благочестивого“, но на самом деле независимого и потому подчас еретического мыслителя приводится заявление о необходимости обманывать людей. В примечании Нэрон указывает, что ответственность лежит на Паскале в том случае, если из подобных положений делают выводы, направленные против религии и нравственности; но нельзя за это обвинять в атеизме, его, редактора Энциклопедии.

В следующем же примечании для внимательного глаза с еще большей ясностью обнаруживается дух эпохи, вернее говоря, дух мимолетного настроения: о „высочайшем“ существе, божестве—la divinité—говорится с благоговением и на всеобщее поругание выставляются только преступления церкви, неправедным образом служившей этому божеству.

Так мы видим, что „Методическая Энциклопедия“ на первый взгляд более крайняя, чем первая Энциклопедия, на самом деле всецело зависела от минутных настроений и потому осталась без всякого влияния на потомство. Энциклопедия же Дидро и Д'Аламбера, несмотря на многочисленные уступки и оговорки, твердо преследовала одну цель и по существу не меняла своих взглядов.

Подобно Нэрону, также и Себастиан Мерсье (1740—1814) может быть причислен к философам великой революции, хотя и он скорее был порождением, чем активным творцом революции. Это был убежденный деист, сатирик-журналист и драматург, которого современники несправедливо называли обезьяной Руссо. Его тщеславие, правда, не соответствовало имеющимся у него дарованиям; но его сатира верно бьет в цель, проникнута гневом, а не просто продиктована желанием что-то написать. Трудно сказать, почему в Конвенте он демонстративно голосовал против казни короля,—чтобы показать свою смелость или в качестве представителя какой-либо партийной ориентации. В

своей ненависти к королям он идет так же далеко, как и в ненависти к церкви. Его „2440 год“ является слабой утопией, далеко не столь забавной, как многие другие; в ней устраняются некоторые религиозные, политические и социальные предрассудки, но без всякой надежды на выполнение мечтаний; книга появилась еще в 1772 г., по всей вероятности, в Лондоне. В первой же главе приводится сравнение Парижа с раздувшейся от водянки головкой ракитичного ребенка. Вместо бога здесь говорят о высшем существе. Часто прибегают к слову „человечность“, но мало заботятся о выполнении тех обязанностей, которые отсюда вытекают.

В 2440 г., к счастью для читателя, не существует больше богословов. „Так как мы говорим о верховном существе только с той целью, чтобы его благословлять и молчаливо перед ним преклоняться (не вступая в спор об его непостижимых свойствах), то условились не пускаться в пустые умствования об этих слишком выспренних и превосходящих человеческий разум вопросах... Все богословские (равно как и юридические) книги забыты в железные бочки и сохраняются в погребах библиотек; в случае, если нам придется вступить в войну с соседями, то мы станем стрелять в них этими опасными книгами вместо пушечных ядер. Мы сохраним, пока что, эти легко воспламеняющиеся вещества, которые дадут вулканы пламени в том случае, если нам понадобится отомстить нашим врагам; последние станут уничтожать друг друга, благодаря этим смертоносным ядам, которые действуют одновременно и на сердце, и на ум“.

Одним из наиболее решительных врагов церкви в конце XVIII ст. во Франции был Шарль Франсуа Дюпюи (род. 1741 г.), который уже в шестидесятых годах начал выдвигаться, как профессор риторики, занимался астрономией под руководством атеиста Лалланда и уже в 1781 г. выпустил в свет ученую работу, в которой различные мифы объяснялись при помощи астрономических фактов и представлений. Только в революционные годы он обобщил свои выводы в об-

широм труде „Origines de tous les cultes ou religion universelle“, вышедшем в эпоху террора.

Дююи до такой степени представитель века просвещения и ученик Вольтера, что он совершенно отрицает наличие у человека природной потребности в религии: во всех основателях религий он склонен видеть обманщиков и таким же обманом считает наиболее глубокие религиозные символы. Мистерии—грубый подлог со стороны жрецов: „Истина не нуждается в таинственности; таинства — результат заблуждения и обмана. Потребность в обмане, если только можно назвать это потребностью, послужила толчком для возникновений всех мистерий. Их источник поэтому нужно искать за границами разума и истины“. Нашему автору, однако, в некоторой степени известны общие связи мистерий древности между собой, а также зависимость от них христианства. Он знает также, что цель их (в особенности элевзинских таинств) была вполне нравственна, хотя употреблявшиеся приемы основывались на обмане и иллюзии. Веру в загробное существование и в очищение души (этую веру старались поддержать и укрепить мисты), он опровергает удачным сравнением: „Это все равно, что заниматься вопросом, что случится с единством гармонии музыкального инструмента, если его разбить“. Учение о бессмертии души, если этот вымысел не будут больше считать необходимым для управления народом, исчезнет так же, как и доктрина о переселении душ. Древние полагали, что они гораздо больше знают о созданном их воображением потустороннем мире—обитали душ, чем об этой земле, которую они описывали далеко не столь обстоятельно.

Дююи исходит из пантегистического понятия бога, но в определение его вводит осторожное „как кажется“. Собственно говоря, он агностик. „Кто видит мир, тот видит и бога, поскольку это возможно для человека, подобно тому, как видящий тело человека и движение этого тела, видит самого человека, поскольку его возможно видеть“. Фактически религия всегда была поклонением природе: этим все объясняется. На пер-

вый взгляд, как будто нельзя приложить это объяснение к тому религиозному преданию, которое возводит в божество солнце под именем Христа; но ведь уже сами греки и римляне были готовы отожествлять с Вакхом, Озирисом, Гераклом и Адонисом бога, рождающегося от девы в зимнее солнцестояние и снова воскресающего в весеннее равноденствие, хотя те же греки и римляне признавали богами и героями вышеупомянутые божества. „Только слабоумные верят еще в откровение и привидения“. Эта гипотеза подтверждается рядом ученых доводов, часто удачных, подчас же совершенно неприемлемых. Автор указывает, что аллегорическое истолкование библии всегда было в ходу, начиная уже с раввинов и отцов церкви“.

„Если бы среди наших читателей встретился человек, обладающий доверчивостью в столь сильной степени, что все пошлости библии будут ему нипочем, то мы предложили бы ему просто-на-просто прекратить чтение этой книги и обратиться к сказкам об Ослиной Коже, Синей Бороде, к житиям святых и к рассказу о говорящей Валаамской ослице. Философия предназначается для взрослых, сказки же пишутся для детей“.

Очень примечательна связь между Христом и богом Митрой. Дююи удачно указывает на то, что уже англичанин Гайд производил подобного же рода сравнения; но сходство обоих божеств для Гайда было только обнаружением пророчества, так как он не мог отказаться от предрассудков страны, где „суеверие почти всегда обнаруживается наряду с философией и образует с ней противостоятельный союз“; боязнь нарушить господствующие предрассудки в Англии всегда сильнее требования здравого смысла.

После остроумного исторического исследования о монотеизме и троичности, ведущегося при помощи тогда еще совершенно нового сравнительно-исторического метода, Дююи, с чисто языческой непринужденностью, задает вопрос, действительно ли жил Христос? Мало что говорит за это; Дююи не боится здесь богохульствований. Но за то солнце всегда существовало и является подлинным объектом христиан-

ского богопочитания. Сведениями о существовании человека по имени Христос-Тацит и Светоний обязан людям, причислявшим себя к христианам. Дюпюи очень силен в библейской критике и он уж знает, как плохо понятые слова принимаются за имена святых: так, из формулы пожелания вечного блаженства, „perpetua felicitas“, получаются две святые Перепетуя и Фелициата; истинное изображение Христа (*vera icon*) олицетворяется в виде св. Вероники.

В десятой главе Дюпюи рассматривает влияние религий на политику и мораль с большей смелостью, чем Вольтер, но, одновременно, с большим беспристрастием, чем энциклопедисты, которые принуждены были вести с церковью еще подпольную борьбу. В 1794 г. церковь во Франции была совершенно обессилена. Дюпюи гордится безбожностью своей родины. „Все народы Европы устраивали общественные моления, испрашивая себе дарование победы в войне против Франции, но французы, единственные не знавшие молитв, победили“. Подобно всем просветителям наш автор набрасывает ужасную картину людских несчастий и людского безрассудства, вызванных религией. Но возмещение всех прошлых зол он видит в настоящем: „Французская революция способствовала победе истины. Существует только один род богослужения, который годится для людей и угоден божеству,—это благотворение и добродетель“.

С силой Дюпюи обрушивается на тот ложный взгляд, что законодательство обязано опираться на религию и что последнюю необходимо сохранить для народа. Также и Робеспьер в последнее время принадлежал к сторонникам этого обмана. Но никогда не следуйте обманывать народ. Вовсе не было бы ужасов великой революции (на них Дюпюи не закрывает глаз), если бы попы и короли раньше не вели бы себя столь нечестивым образом по отношению к народу.

ГЛАВА II.

Общий ход революционного движения.—Роль Робеспьера.

Событием решающей важности для положения религии в эпоху великой французской революции были не попытка Робеспьера превратить деизм в государственную религию и уж, конечно, не введение культа Разума, но то обстоятельство, что одно из крупнейших государств Западной Европы и притом еще страна, управлявшаяся всехристианнейшим королем Франции, на несколько лет совершенно изгнало из своих пределов христианство, церковь и духовенство, и от этого как будто вовсе не пострадали государственные интересы. Великая революция, одушевленная вполне искренним стремлением освободить все человечество, также и в этом случае начала с попытки проделать нужные преобразования на собственном опыте; получившиеся результаты оказались благоприятными для деизма, свободного от всякой конфессиональной формы. Важность этой попытки не умаляется тем, что немного спустя Наполеон, для проведения своих дьявольских замыслов, не только допустил восстановление христианства, но даже способствовал утверждению католицизма, хотя сначала и в галликанской его форме; связанный союз в своей реакционности мог выпускать сколько угодно законов, стремящихся к восстановлению средневекового строя церкви и государства, романтика сколько угодно могла пропагандировать церковность в среде ученых и литераторов—все это было лишь модой, подражанием, но отнюдь не подлинным ве-

янием времени. В народной среде благочестие еще не угасало; но благочестивое государство после испытаний, выпавших на его долю между 1793 и 1799 г.г., стало лишь лицемерной маской для новых носителей государственной власти.

В корне ложно обычное представление, согласно которому революция в известной мере одновременно стремилась к низвержению как тронов, так и алтарей, как к республиканскому террору, так и к атеизму; этот взгляд противоречит действительному ходу событий, ибо террор и цареубийство еще задолго до этого проповедывались в теории религиозными фанатиками в качестве „монархомахии“ и на деле применялись во всех религиозных войнах. Далее: между дейстивским почитанием верховного существа и атеистическим обоготворением разума было различие не только в степени, но здесь таилась глубокая противоположность, приводящая в свою очередь к борьбе не на жизнь, но на смерть между двумя направлениями. Я хочу лишь вкратце рассмотреть те обстоятельства, которые мало-по-малу борьбу с королевской властью расширили до пределов всеокружающей борьбы с церковью, с тем, чтобы затем подробнее рассмотреть ту роль, которую играл деизм в революционном движении вообще и в мировоззрении Робеспьера в частности.

Незачем доказывать, что образованные круги Франции, третье сословие, начавшее великий государственный переворот, придерживались дейстивских, следовательно, нехристианских воззрений по отношению к церкви; дворянство и духовенство находились больше под влиянием Вольтера и умудрялись соединять фривольный деизм с легкомысленной церковностью; буржуазия же, наоборот, испытывала влияние Руссо с его патетическим, чисто ригористическим деизмом и различала уже между церковью и религией. Ниже мы увидим, как праздник в честь верховного существа устраивался приверженцами Руссо, театральный же кульп Разума находил себе поддержку у подражателей Вольтера. Это фривольное и патетическое направления

в деизме объединялись вместе, приводили к группировке людей, вполне созревших для революций, благодаря однаковому, там и здесь, недовоинству существующими порядками, благодаря страстному стремлению к преобразованиям. Но так как толчек ко всему грандиозному революционному движению был дан не из духовных глубин человека, но явился результатом финансовых затруднений государства, которые одновременно само собой выражались и в финансовых затруднениях отдельных лиц, то вопросы финансовой политики начали скоро определять также и соотношение между церковью и государством. Духовенство до пределов возможного шло навстречу общественным настроениям и старалось обеспечить себе популярность притворной щедростью. Большинство духовенства с самого начала стояло за объединение с третьим сословием, против чего было дворянство. Епископы приняли участие в красивой жертве в ночь с 4-го на 5-е августа 1789 г. и выразили готовность отдать церковное имущество в обеспечение долгов, обанкротившегося государства. Но за этими предложениями и громкими патриотическими фразами скрывался простой расчет (вне всяких сомнений, по крайней мере, у Талейрана, епископа Отунского): нужно было отдать часть церковных богатств, чтобы спасти остальные. Но эта жертва ни к чему не привела. Министр финансов не нашел лучшего средства избежать банкротства, чем конфискация церковных имуществ. Решено было их отобрать и уже достаточно несвободный в своих действиях король принужден был дать на то свое согласие. Продажа церковных имуществ, стоимостью в 400 миллионов, прошла не без трений. Так постепенно экономически необходимая конфискация церковных имуществ, вначале не преследовавшая антирелигиозных целей, превратилась в борьбу с церковью и религией. В промежуток времени между маев и июлем 1790 г. был выработан новый „гражданский“ устав для церкви, в действительности несовместимый с зависимостью от „св. престола“: государство определяло число епископов, епископы и священники

должны были выбираться всей округой. Этот гражданский устав король сначала не решился подписать, повидимому, из внутренних соображений папа же лавировал. Так противодействие церкви усиливало ненависть к королю, нерешительность же последнего разжигала ненависть к церкви. После блестящей, враждебной церкви, речи Мирабо, всем священнослужителям была вменена в обязанность присяга новой церковной конституции, и тем самым первый акт драмы закончился победой галликанизма или янсенизма над Римом. Но, пока что, прошло много времени. Принесение присяги должно было совершиться лишь в январе 1792 г. Тем временем революция, выйдя из первоначально экономических рамок, дошла до такой степени радикализма, что уже в том же 1792 г. провозглашена была республика. Папа и отказывающиеся от присяги духовные лица стали во главе католической партии, восставшей теперь против революции, которая присоединила к Франции личное владение папы—Авиньон, разрешила католическому духовенству вступать в брак и требовала от него теперь гражданской присяги под страхом тяжелого наказания; в силу этого король начал опираться на духовенство, как на своих вернейших союзников, и, повидимому, верен слух, распространившийся в свое время по всей Франции, что Рим способствовал попытке бегства короля (июнь 1791 г.). В слишком рано составленном поздравительном письме по случаю успеха папа выражает надежду на победоносное возвращение короля на родину и на восстановление прежнего могущества церкви.

Теперь уже отпали всякие сдерживающие начала. Революция увидела в соединении королевской власти и церкви враждебный себе союз. И когда король снова затруднился подписать новые законы, со все возрастающей быстротой и ожесточением начали проводиться мероприятия, продиктованные уже не финансовой нуждой или стремлением к независимой национальной церкви. Духовенству было запрещено носить его прежнюю испокон веков установленную отличи-

тельную одежду; не давшие присяги заключались в тюрьмы и высыпались, были введены развод и брак священников, равно как и регистрация гражданскими властями рождения, брака и смерти. Наконец, после низвержения короля, было решено ввести республиканский календарь. В ноябре 1793 г. после того уже, как отражение военной опасности заставило прибегнуть к помощи террора, ярость народа и его вождей снова с силой обратилась против христианского культа. В Конвенте архиепископ парижский и представитель протестантов объявили себя сторонниками религии Разума; один священник обратился к Конвенту с посланием, где говорилось: „Я — священник, следовательно, обманщик“. Допускался один только культ: культ свободы и равенства; одно только евангелие — евангелие конституции.

Католическая церковь вовсе не стремилась к тому, чтобы сохранить верность королю или (после его казни) династии; она была озабочена единственно восстановлением своего могущества и готова была заключить союз со всяkim, кто бы только ни захватил власть во Франции. Но оказалось, что после падения Робеспьера, республиканская партия не желала ничего слышать о восстановлении церковных властей, о чем уже велись осторожные разговоры в Директории и в Совете пятисот. Но когда Наполеон, вернувшись из экспедиции в Египет, почувствовал себя достаточно сильным для свержения директории и при этом захотел опереться на народные круги, оставшиеся верными старой вере, католическая церковь оказалась сейчас же к его услугам, хотя генерал стремился к установлению галликанской церкви, независимой от Рима. Прикрываясь лозунгом свободы вероисповедания, Бона-парти поощрял восстановление многочисленных католических общин и опирался при этом, как реальный политик, предпочтительно не на республиканское духовенство, но на лиц, не принесших гражданской присяги, прославивших мучениками. Наконец, был заключен с Наполеоном конкордат, согласно которому католицизм восстанавливается, но пока в пределах

Франции подчинялся гражданским властям. Рим пошел на это условие и мастерски использовал конкордат, как при Наполеоне, так и при последовавшей реставрации, в целях утверждения абсолютной власти папизма.

Так, только в течение десятилетия между объявлением республики и конкордатом, католическая церковь в пределах Франции была вне закона и христианство могло считаться здесь упраздненным.

Но только в течение немногих недель террора, среди небольшой кучки атеистов, добрый старый бог был сдан совсем в архив. Бог действов, бог религии природы, занял опустевший алтарь под эгидой человека, которого называли диктатором Франции: самым торжественным днем в жизни Робеспьера, этого последователя Руссо, было выполнение обязанностей первосященника нового божества. Образ Робеспьера всегда почти искается, как у английских и немецких, так и у французских историков; давно уже, на основании сохранившихся документов, опровергнуты и никогда уже больше не могут быть выданы за историческую правду все те искажения, которые в годы, непосредственно следовавшие за гибелью Робеспьера, нагромождены были всякого рода писаками в угоду новым властителям, великим только тем, что от их руки пал революционный вождь. Несомненно, Робеспьер ни в чем не был гением, подобным Наполеону, его духовный кругозор не отличался широтой и речи его на не-француза производят странное, почти комичное, впечатление своим повторением торжественных фраз и постоянными проповедями на тексты нового священного писания: сочинений Руссо и декларации прав человека; Робеспьер умел облекать в соответствующую требованиям времени форму как раз те фразы, которые в состоянии были вызвать улыбку даже у энтузиаста великой революции. Без сомнения, Робеспьер, играя руководящую роль в решительный год революции, принадлежал к числу самых горячих сторонников республики, которые в революционных принципах усматривали благо человечества и не останавливались

перед террором, когда союз „тиранов“ делал сомнительной победу свободы; но все же сам Робеспьер не был кровожаден: он спас от смерти многих жирондистов и не на нем лежит вина за излишества террора; на совести у „Неподкупного“ не было ни одного убийства, на которое толкнули бы его зависть или честолюбие; нужно установить раз навсегда, вопреки официально утвердившейся версии: Робеспьер был вполне умерен во всех политических и религиозных вопросах. Он не лгал, когда хвалился тем, что единственным его стремлением всегда была только справедливость: конечно, справедливость, взятая так, как он ее понимал. Биография Робеспьера, составленная Эрнестом Гимелем, быть может, плохо и односторонне написанная книга, но основное ее положение вполне убедительно доказывается приведенными доводами; Робеспьер был идеалистом, правда, таким же неустойчивым, каким обычно бывают идеалисты в практической деятельности. И если в своем отношении к иначе мыслящим политически он переступал в своей беспощадности и склонности к кровавым мерам границы дозволенного и допустимого с точки зрения современной политической морали, он, вне всякого сомнения, был все же проповедником и поборником терпимости в той области, которая нас сейчас единственно интересует: в вопросах веры. Этим объясняется существенное различие между двумя антирелигиозными движениями 1794 года: обоготовлением разума и признанием высочайшего существа,—движениями, противоположность которых не будет понята, если мы станем обращать внимание только на внешние лозунги, не считаясь с особенностями действующих лиц. Люди, поставившие себе целью ввести новый культ разума, были нетерпимыми фанатиками. Робеспьер, принявший сан первосященника верховного существа, отличался терпимостью и неуклонно высказывался за полную религиозную свободу.

Уже при торжественном взвещении декларации прав человека, основоположниками которой нужно считать действов Локка и Руссо, делались ссылки на

неведомого бога, бессмертного законодателя. Поучительно, что как раз тогда же, — при живом участии Робеспьера, — было отклонено предложение, на котором настаивало духовенство, ввести в текст декларации перечисление и обязанностей человека; обязанности должны были вытекать из прав, а не из каких-либо предписаний религии, опирающейся на откровение. Никто из руководителей нароставшего революционного движения не считал нужным более основательное рассмотрение вопроса, откуда возникают права человека; шла ли здесь речь о разуме или о верховном существе, имелась в виду все та же неизвестная причина.

Внутренние и внешние опасности, грозившие новой республике, подготовили террор, как политический режим, но пока что церковная политика не посягает на общие основы свободы совести. Вместе с тем нет еще такой терпимости по отношению к религиозным верованиям, какую впоследствии обнаружит столь обесславленный Комитет Общественного Благоденствия, который в ответ на поданную одной французской сектой петицию, где указывалось на невозможность военной службы и кровопролития для членов этой общины в силу религиозных соображений, вынес постановление о том, что данные сектанты должны или привлекаться к таким должностям, которые не требуют кровопролития, или пользоваться правом выкупа. В день убийства Марата шло обсуждение вопроса об обязательном обучении, которое опять-таки понимается, как право на образование; в обосновании Робеспьера нет и речи о враждебном отношении к церкви, новое устройство общей народной школы кажется столь же самоочевидным, как и ее независимость от церкви.

Только во время тогда же происходивших прений о гражданском кодексе (25 августа 1793 г.) дело дошло до одной из тех сцен, к которым часто приводила агитация в пользу атеизма. Только что Робеспьер открыл собрание, как перед Конвентом появилась делегация учителей, требовавших всеобщего обучения на счет государства; затем выступил один из школьни-

ков и сказал речь, где заявлялось, что юношество не желает больше слушать проповедей о так-называемом боге, но требует обучения, ведущегося на основах равенства человеческих прав и конституции. Тогда этот первый написк радикального атеизма был встречен с ропотом неудовольствия; большинство Конвента склонялось еще в сторону деизма; Гебер, позднейший руководитель борьбы с религией, был еще занят по горло в своей газете травлей австриячки, этой кровожадной гадины. Мы подходим к тому периоду, когда отчаянное положение Франции требовало террора, как последнего средства спасения; одинаково и Робеспьер, и Дантон, и Гебер единодушно были убеждены в действенности этого средства, хотя Робеспьер и Дантон никогда не употребляли таких резких выражений, как Гебер. Не следует также забывать, что Робеспьер был гораздо более умерен в применении политического террора, чем ему приписывается легендой революции, одинаково как ему дружественной, так и враждебной.

В начале октября 1793 г. без громких фраз произошло событие, которое в большей мере вело к разрыву с прежней религией, чем все предшествовавшие мероприятия: был введен направленный против христианства республиканский календарь. Его несовместимость с христианством заключалась собственно говоря в трех пунктах: во-первых, в том, что отменялось летоисчисление от предполагаемого года рождения Христа, вместо чего вводилась эра, начинающаяся осенным равноденствием 1792 г., когда „случайно“ была провозглашена французская республика; во-вторых, в том, что республиканские праздники не считались с Пасхой, Троицей и Рождеством, но устанавливались на основании астрономических вычислений; в-третьих в том (и это новшество смущало не только лиц, хранивших благочестие), что упразднялось издревле почитаемое воскресенье, так правильно повторяющийся 30-дневный месяц делился теперь на 3 „недели“ по 10 дней в каждой и праздник, 10-й день—decadi—только случайно совпадал с прежним воскресеньем. Робеспьер, как это видно из

зачеркнутой заметки его записной книжки, сначала будто бы был того мнения, что следует отсрочить введение республиканского календаря, но затем он перешел в лагерь его сторонников, так как не всегда вообще ему удавалось проводить свою волю. Но нельзя сказать, чтобы новое исчисление времени само по себе было нетерпимо. Пока гебертисты не взяли еще верха, верующие Парижа могли по прежнему соблюдать христианские праздники и воскресенье в том случае, если они удовлетворялись священником, принесшим присягу республике. Характеру Робеспьера была присуща та же, в известной мере, ледяная холодность, но все же он обладал рядом прекрасных человеческих черт и был чужд жестокости; при усмирении восставших провинций и городов друзья этого революционного вождя, равно как и его брат Августин, проявляли мягкое сердце и готовность щадить виновных; Робеспьер был рассудителен и безупречен (мы охотно применили бы здесь термин „корректен“), бессердечен, но все же не злонамерен; никогда он не был движущей силой великой революции, всегда лишь часовой стрелкой на ее циферблате; всегда он давал нужную формулу, будучи почти велик в своей ограниченности, подобно стрелке скрытого часовочного механизма, точно, без всяких прикрас,—совсем, как новый календарь. Сколько раз дело ни шло о человеческих жизнях, о жирондистах, о терроре, о королеве, о гебертистах,—всегда готовый на жертвы, великий в своей ограниченности, он отстаивал справедливость, а великая незнакомка, революция, шла все вперед и вперед, оставляя его позади; наконец, 9 термидора она перешагнула через его труп. Мы должны теперь рассмотреть его противоположность гебертизму, которая не окончилась просто казнью Гебера.

ГЛАВА III.

Атеисты-практики.

Когда французская республика была уже упрочена, как извне, так и изнутри, в ноябре 1793 г. террор поставил себе новую задачу—освободить Францию от христианства и от попов (*déchristianisation*). Нельзя винить Робеспьера в том, что его патриотическое чувство заставляло питать недоверие к этому движению, которое вызвало недовольство революцией у миллионов людей, видевших во всем этом махинации зарубежных врагов, происки Питта. Почитатели Робеспьера очень часто сравнивали его с Иисусом, основываясь в числе прочего и на том, что он жил в семье плотника; но теперь революционеры не могли потерпеть того, что Иисуса называли предтечей революции и за верующими республиканцами признавались одинаковые права с остальными гражданами. В провинции священников сажали в тюрьму, если они праздновали отмененное воскресенье, из церквей выбрасывались распятия; комитет общественного благодеяния, докладчиком которого был Робеспьер, неодобрительно отнесся к этим поступкам: совесть не следовало насиовать. Перед Конвентом была тогда сделана первая попытка (7 ноября 1793 г., в том же заседании, в котором архиепископ Парижа, ссылаясь на разум, снял с себя свой сан и отрекся от веры) поставить разум на место упраздненной религии. Новый календарь (календарь до сих пор находился в ведении церкви) ввел праздники, по-

священные республиканским добродетелям и понятиям: риторическим божествам *vertu*, *travail*, *révolution* (добродетель, труд, революция). Теперь делегация парижской коммуны потребовала, чтобы в этот ряд торжеств был включен также и праздник Разума. Президент конвента поддержал это предложение, но сознательно или бессознательно он смешал воедино и праздник Разума, и кульп верховного существа. Пока еще в этих лозунгах не было окончательной противоположности атеизма и деизма. Робеспьер, не взявший слова при этом философском трюке промолчал также и тогда, когда Гебер потребовал разрушения всех колоколен Парижа „во имя равенства“, когда 10 ноября весь Конвент последовал приглашению принять участие в религиозном празднике в честь разума.

Неоднократно описывался это праздник, устроенный в ложно-античном духе, подобно всем последующим общенародным празднествам революции и империи. Но редко когда эти описания были беспристрастны. Оргии с балетными танцовщицами, изображавшими свиту разума и свободы, могли иметь место после окончания торжества, но, во всяком случае, они происходили вне стен самого собора Парижской Богоматери, который отныне, говоря словами „дядюшки Дюшена“ („*Règle Duchesne*“) — посвящался не глупости, но разуму. Существенная часть церемониала заключалась не в том, что древний собор посвящался новому божеству, — оставалось неясным, какому: разуму, свободе или философии, — не в том, что президент Конвента братски облобызal актрису Мейяр, игравшую роль Разума, и не в том, что сочиненный Менье хорал прославлял террор, так как в нем возвещалось, что последние рабы должны последовать в могилу за последним королем; главное значение праздника, его новое слово, заключалось в том, что разум отныне торжественно был провозглашен поборником атеизма, тогда как до тех пор от его имени учили об естественной религии, о религии разума или деизма. Ничего нет более бесмысленного, как всякого рода споры о том, что логически следует из лозунга „разумности“: атеизм или

деизм. Дело не в логике, а в истории. Ставкой были не силлогизмы, а человеческие жизни. То, что 30 лет тому назад было литературным разногласием и предметом споры между Вольтером и Руссо, стало теперь противоположностью и спором между полными страсти вождями, выступившими на политическую сцену. Правда, отголоски литературной борьбы слышались и теперь, поскольку буквальная приверженность к текстам Руссо приняла жесткие формы непогрешимой школьной мудрости Робеспьера, общепонятные же остроты Вольтера питали доступные ~~пространство~~ народу резкости Гебера.

Не только личные взгляды, со ~~которым~~ которым всякая религиозная нетерпимость была видом тирании, но также и соображения государственного порядка (французских католиков не следовало вооружать против дела революции) заставили выступить Робеспьера в якобинском клубе против Гебера и его приверженцев. Пренебрегая опасностью обвинения в умеренности, Робеспьер обрушился на своих врагов 21 ноября 1793 года. На царский скипетр философии навешали дурацких погремушек. Фанатизм богослужения ни чем не уступит насилию над совестью. Делать революцию значит заниматься политикой, а не литературой. Декларация прав человека и гражданина возвещена перед лицом верховного существа. „Может быть, про меня скажут, что мой горизонт узок, что я полон предрассудков, фанатизма. Но я говорю здесь не от своего имени, не в качестве автора философских систем, но как представитель народа. Атеизм аристократичен. Представление о великом существе, которое стоит на стороне порабощенной ненависти и рано или поздно карает порок, коренится глубоко в народе. Народ, несущий бремя нужды, станет на мою сторону; против выступят только богачи, виновники этой нужды. Со школьной скамьи я был довольно-таки плохим католиком: но никогда я не переставал быть другом и защитником человечества“. И последователь Руссо ссылается на Вольтера: нужно было бы изобрести бога, если бы он не существовал.

Дантон выступает заодно с Робеспьером. „Мы столь же мало собираемся щадить попов неверия, как и попов заблуждения и фанатизм“. Это Дантон предложил воскурить благовоние перед алтарем высшего существа на одном из устроенных санкюлотами празднеств, которые должны были быть прекрасны, подобно олимпийским играм греков. Но все было тщетным. Вопреки намерениям Конвента, гебертисты в Париже и в провинции объявили поход против старой церкви. Вне Парижа церкви закрывались, исповедальни и изображения святых сжигались. Церковные книги бросались в помойную яму. Действия иконоборцев не замедлили вызвать соответствующие последствия. Если до сих пор соединенные державы Европы сражались за сохранение королевской власти, то теперь они сделали своим лозунгом в борьбе с республикой защиту религии; более чем когда-либо Франции грозила опасность религиозной гражданской войны. Комитет общественного спасения поручил Робеспьеру выступить против этих преследований церкви. Он выступил по этому поводу 5 декабря 1793 года в Конвенте с речью, где давалась резкая отповедь гебертистам и попросту отрицалось разорение церквей. В листовке, предписанной для распространения за границей, он писал: „Ваши властители уверяют вас, что в нашей стране все религии объявлены вне закона, что вместо богопочитания у нас введены культ поклонения отдельным людям; нас стараются изобразить народом, состоящим из идолопоклонников и сумасбродов. Все это ложь. Французский народ и его представители уважают свободу всех культов; они с презрением отбрасывают всякую мысль о нетерпимости и преследовании за убеждения и не допуснят этого ни в коем случае: они осуждают, как крайности философствования, так и преступления фанатизма“.

Робеспьер, по всей видимости, был всемогущ, как в Конвенте, так и в комитете общественного благодеяния, но никто не мог быть господином положения в том движении, которое охватило Париж. Каждый гражданин казался другому „подозрительным“ на

основании ужасного определения этого понятия. В якобинском клубе дело дошло до ряда заседаний, на которых каждый, числившийся членом, должен был дать отчет не только в своем политическом прошлом, но и в частной жизни. Робеспьер, не боявшийся грозившего смертью обвинения в умеренности, был полон колебаний и страха, когда дело шло о подкупности или легкомысленном образе жизни его прежних товарищей. В нашу задачу не входит сейчас писать апологию человека, столь пострадавшего от клеветы. Ему кидались обвинения в стремлении к диктатуре, даже его подозревали в зависти к наиболее крупным талантам революции; я не верю ни тому, ни другому. Для диктатуры ему недоставало не жажды власти, но последней решимости воли; и он был слишком „добродетелен“, чтобы поддаться человеческому чувству зависти в ущерб интересам республики. Он очевидным образом был под властью общественного мнения и своего собственного доктринерства, когда приносил в жертву ярости своей партии таких людей, как Дантон или Камилл Демулэн. Неоднократно он защищал того и другого против резких нападок.

Совсем иначе обстояло дело с процессом, направленным против гебертистов. В этом случае Робеспьер находился в состоянии самозащиты и кроме того преследовал интересы революции, которые нарушались анархическими стремлениями этих людей. Не последнюю роль сыграли и торжественные возвещения благодатности деизма в противоположность „проклятиям“ атеизма. Наконец, им руководило страстное желание довести революцию до спокойного конца, вопреки селятелям новых мятежных движений. Трудно, по некоторым причинам, сохранить истину в оценке личных качеств атеистических вождей революции. Сразу после их падения безудержно стали оскорблять память погибших; так продолжалось и при директории, и во время Наполеоновской реакции: на них нападали, так как они были самыми яростными врагами церкви, и в виду того, что — вне всякой зависимости от этого нового фанатизма — их оба вождя по своему образо-

ванию действительно стояли ниже подлинных деятелей революции, адвокатов и литераторов. Гебер и Шомет обладали лишь одним талантом, нужным для осуществления их агитационных задач, своего рода простонародным красноречием.

Гебер (род. около 1755 г., казнен в 1794 г.). в годы своей юности должен был, видимо, пройти огонь и воду, он не отличался честностью, состоя на службе в одном из маленьких театров, и был уличен в краже в качестве лакея. Известную роль в движении он начал играть только тогда, когда противоположность между Жирондой и Горой, т.-е. между умеренным конституционализмом и радикальным республиканизмом привела к борьбе не на живот, а на смерть. По поручению крайней левой, Гебер принял на себя редактирование нового „Дядюшки Дюшена“ — „Père Duchêne“ (направленного против соглашательской газеты с тем же заголовком). Газета Гебера бросала в широкие массы самые резкие лозунги, призывающие к государственному перевороту, придавая им простонародную формулировку. „Дядюшка Дюшен“ внушал массам мысль об искоренении королевской семьи и о казни жирондистов. Конвент имел еще силу сопротивляться в лице Гебера; но последний приобрел слишком большое влияние в парижской коммуне. Конвент принужден был уступить под напором толпы и наиболее энергичные противники дядюшки Дюшена погибли под ножом гильотины. После этого „дядюшка Дюшен“, как сам Гебер называл себя, начал неистовую кампанию против Марии Антуанетты. Он действовал не в качестве закономерного обвинителя, но распространял слухи о недоказанных и противоестественных преступлениях, о которых так много говорилось во время процесса королевы, вопреки намерениям Робеспьера. Когда по воле последнего, Гебер принужден был подняться на эшафот, он умер трусом: его должны были силой тащить к гильотине; несколько дней спустя была казнена его жена, расстиженная монахиня.

Еще меньшим образованием, чем Гебер, обладал Шомет (род. 1763 г., казнен 1794 г., всего через три недели после Гебера), который в частной жизни имновался просто Пьером Гаспаром, позже же принял пышное прозвище Анаксагора, в честь древне-греческого богоотступника, каковой, якобы (здесь мы имеем яркий образец „учености“ Шомета), принял венец мученичества, будучи повешен за свое неверие. До революции Шомет был рулевым на грузовом судне, совершившем рейсы по Луаре, но в 1789 г. он немедленно присоединился к революционному движению, сначала только в качестве безмолвного статиста развертывающейся драмы. Только после штурма Тюильри он приобретает популярность, благодаря безудержности своих требований и громоподобному голосу. В коммуне Шомет был одним из главных руководителей, Гебер только выполнял его предназначение; точно также Шомет, главным образом, руководил иконоборческим движением против церкви, тогда как Гебер только представлял его партию в конвенте. На Шомета падает вина в уничтожении несметного количества церковной утвари и священных изображений, часто высоко художественных предметов, потеря которых ни чем не может быть возмещена; ему, главным образом, нужно приписать устройство такого новшества, как религиозные празднества в честь Разума. Много смеялись позже над тем, как в качестве шедевра природы, воспламеняющего все сердца, он представил конвенту прекрасную богиню (только один из отчетов об этом событии называет имя м-ль Мейяр, оперной актрисы); но если отвлечься от особенно характерных выражений и своеобразия высказываемых мыслей, язык Шомета мало чем по существу отличается от современного ему способа выражения Демулэна, Робеспьера или даже Дантона: „Фанатизм постыдно ретировался перед разумом, справедливостью, истиной. Обитатели Парижа в первый раз присутствуют при том, как готические своды, столько раз отражавшие глас невежества, на этот раз впервые отражают клич истины. Долой жрецов! Нет более других божеств, кроме тех,

которых нам являет природа. Из храма разума мы переносимся в храм закона ради того, чтобы еще раз отпраздновать пиршество свободы; и мы обращаемся к Конвенту с требованием, чтобы прежний кафедральный собор Парижа (*la ci-devant metropole*) был бы отныне посвящен разуму и свободе". Шомет тоже не умер героем. Его безрассудная борьба с народными верованиями, выставление напоказ атеизма только позволили нанести удар его партии, которая политически совпадала с партией Гебера, со стороны группы, исповедывавшей бесцветный деизм.

Таким образом, по всем своим человеческим свойствам, а равно и по руководящей роли в клубе кордильеров, как сотрудник „ядюшки Дюшена“ и один из первых должностных лиц коммуны, Гебер всюду стоял во враждебной противоположности Робеспьера. Между этими двумя революционными вождями завязался поединок, который мог окончиться только гибелью одного из противников, несмотря на всю ту театральность, с которой велась борьба между обоими клубами. Сплошь и рядом пафос Робеспьера для нас совершенно невыносим; но он сама простота по сравнению с фразерством оратора и газетчика Гебера. Когда Гебер и его ближайшие друзья во второй раз были арестованы, то выяснилось, что они не обладают прочным влиянием в народных кругах; они были брошены на произвол судьбы также и своим клубом, по крайней мере, мужской его частью; женщины-трибуны не переставали горячо заступаться за гебертистов. Сам вождь вел себя далеко не по-геройски, и не так, как это было достойно революционного деятеля, как во время своего заточения, так и на эшафоте. Он погиб при радостных кликах толпы, и победа Робеспьера над эгоизмом и непостоянством великой нации — *grande nation* (этот лозунг появился на сцену сейчас же после первых побед революционной армии) — казалась обеспеченной. Через какие-нибудь 100 дней после этого последовало падение Робеспьера. Из единомышленников Гебера, разделивших вместе с ним его печальную участь, кроме Шомета, нужно еще отметить барона

Клоотца, который был также неистов в своей вражде к христианству, как и поклонник богини разума. Он был искренен до глубины души и лишь он один из всей этой группы людей встретил смело смерть.

Анахарисис Клоотц родился в Германии в 1755 году в Клевемене, но его родители были голландцы, мать была сродни знатному роду де-Витов, ей приходился братом довольно замечательный историк Корнелий де-Пау; Клоотц с девятилетнего возраста воспитывался в Брюсселе и в Париже; когда отец его умер, после кратковременного пребывания в берлинской военной школе, он переселился совсем в Париж в качестве богатого молодого человека, который хотел играть роль наравне с „философом“. Сочинения, изданные им до революции, были написаны вполне в духе враждебных религии эпигонов энциклопедии: „*Voltaire triomphant ou les prêtres déçus*“, „*Certitude des preuves du Mahomédisme*“, „*Lettres les juifs*“, наконец, „*Voeux d'un gallophile*“. Спасаясь от преследования, он с 1784 года отправился в путешествие по Англии, Нидерландам, южной Европе и северной Африке, но как только вспыхнула революция, вернулся во Францию. Само собой разумеется, что, в качестве реформатора всей вселенной, он примкнул к республиканцам, а затем сделался одним из самых ярых врагов церкви. Уничтожение всех дворянских привилегий пришлось ему вполне по душе. Жан-Баптист Клоотц, барон Дю-Бальде-Грас, не только отказался от своего титула, но и окрестил себя греческим именем Анахарисса под влиянием популярной в то время книги Бартелеми „Путешествие юного Анахарисса по Греции“. Самым замечательным днем его жизни было 19 июня 1790 года, когда во главе иноземцев (в том числе арабов и негров) он появился в вечернем заседании Национального Собрания и в торжественной речи выставил требование допустить „свою депутатию рода человеческого“ к участию в братском празднестве 14 июля. В августе 1792 г. Клоотц (вместе с Миллером, Клопштоком, Кампе Песталоци, своим лядей де-Пау) был выбран почетным гражданином Франции; на основании вновь получен-

ного гражданства, он получил мандат в Конвент, где сначала принадлежал к жирондистам, но скоро превратился в самого отъявленного монтаньяра и одно время даже председательствовал в Якобинском клубе. Когда он, однако, обуреваемый вполне истинной ненавистью к христианству, примкнул к гебертистам и в конце 1793 г. произнес фанатическую речь против всякой религии (*la religion est le plus grand obstacle à mon utopie*), далее предложил поставить статую священнику атеисту Жану Мелье, то подвергся травле со стороны приверженцев Робеспьера, был исключен из Якобинского клуба и, наконец, лишен своего мандата в Конвенте на том основании, что не был уроженцем Франции. Он был арестован еще в декабре 1793 г., но погиб на эшафоте лишь в марте 1794 г. в один день с Гебером.

В ноябре 1793 г. Робеспьер, готовясь нанести смертельный удар Дантону, предпринял предварительную чистку Якобинского клуба. Первой жертвой здесь был Клоотц. Робеспьер сам внес предложение об его исключении. Несовсем без основания, Анахарису были поставлены в вину его колебания между Жирондой и Горой, его *la rage de conquête*, 100.000 франков ренты и выступление не от имени французского народа, а от лица рода человеческого. Но во всех этих обвинениях чувствуется скрытый выпад против атеиста. Клоотц, конечно, должен был щеголять своими антицерковными взглядами, а эта манера себя держать грозила опасностями. Робеспьер, быть может, действительно был убежден в том, что антихристиански настроенные Гебер, Пам, Шометт и Клоотц, состоя на службе у внешних врагов, старались навлечь на всю революцию обвинение в атеизме; но вероятно также, что он выступал в интересах деизма, которому сам сочувствовал.

Таков был этот новый реформатор мира. И по инициативе Робеспьера, как раз в ноябре 1793 г., когда уже последним подготавлялся смертельный удар против Дантона, была предпринята предварительная „чистка“ Якобинского клуба. Первой же жертвой здесь

был Клоотц. Робеспьер лично внес предложение об его исключении. Он упрекал его, не совсем без основания, в колебаниях между Жирондой и Горой,ставил ему на вид—(*la rage des conquêtes*) сто тысяч франков годового дохода и манеру говорить не от имени французского народа, но от лица всего человечества. Под этими яростными нападками крылся выпад против атеиста: Клоотц несомненно должен был выставлять напоказ свои антицерковные настроения; но этот образ действия был бы прекрасен лишь в случае соблюдения надлежащей меры, всякое преувеличение грозило здесь опасностями. Робеспьер, должно быть, действительно верил в то, что антихристиански настроенные Гебер, Пам, Шомет и Клоотц действовали в пользу внешних врагов, добиваясь того, чтобы лозунгом атеизма можно было опорочить всю революцию в целом; быть может, так же, в его сердце еще таился остаток привязанности к древним установлениям веры, сохранилась приверженность к началам деизма. Как бы там ни было, после того, как им были возведены на эшафот гебертисты и, после долгого колебания, его старый соратник Дантон, в течение тех немногих недель, когда он единовластно распоряжался судьбами Франции, он решился на возвращение к деизму, который уже не удовлетворял ни одну из крупных партийных группировок; когда Наполеон через 8 лет после этого вновь восстановил католичество во Франции, он опирался на народную массу; Робеспьер заставил Конвент 7 мая 1794 г. декретировать существование верховного существа и бессмертия души, на празднике в честь верховного существа выполнял роль верховного жреца этого искусственно из ничего созданного бога, и в связи с этим смеялись втихомолку, не нарушая торжественности церемонии, но падение революционного вождя тем самым уже было подготовлено. Нигде так не опасно быть смешным, как во Франции.

ГЛАВА IV.

Культ „верховного существа“ и последующие судьбы антирелигиозного движения во Франции.

Нам приходилось уже указывать на то, что народная масса Парижа—не говоря уже о филистерских слоях среднего класса—во время поединка Робеспьера с Гебером, т.-е. борьбы просвещения с атеизмом, была совсем не на стороне радикализма. Парижские атеисты не могли понять того, что все их предложения были предложениями чисто словесной фантастики. Религия должна была быть отменена подобно каким-то устаревшим статьям закона; точно дело шло о вычеркивании тех или иных параграфов, а не о чувствах и настроениях, которые нужно было развивать в том или другом направлении. Еще яснее был грех против духа языка в требовании „низложения“ бога. Простой человек, которого спрашивали, действует ли он или нет,—должен был отвечать: „*Te suis Anti-Dieu*“.

Но отрицание не означает противоборства; противоборство вызывалось опять-таки этим несчастным укоренившимся словоупотреблением. Для французов и для религии было бы счастьем, если бы в то время была уже развита критика языка, которая позволила бы сказать: мы вычеркиваем вообще самые обозначения бога из нашего словаря. Но ни Робеспьер, ни его противники не были сильны в логике. Не следует забывать, что тот же самый Робеспьер также заставлял голосовать за или против существования высшего существа и бессмертия души, как парламенты четвертого столе-

тия, называвшиеся церковными соборами, голосовали о троичности и о других религиозных тайнах. Догматы 7-го мая 1794 г. не были столь претенциозны, как объекты церковной распри в первые века христианства. Но подобно тому, как последние опирались на кулачное право, так теперь орудием убеждения служила гильотина; и на нас производит крайне комическое впечатление то, что в декрете Робеспьера бог и бессмертие признавались не на основании разума или науки, но попросту от лица французского народа. Парижане, олицетворяя французский народ, совершенно так же приветствовали спасение бога, как несколько недель тому назад они поддерживали своим радостным кличем его свержение. В конвенте вскоре после того стали говорить, что декретом 7 мая существование верховного существа было „доказано“. Почему не согласиться с этим? Декрет и речь Робеспьера не заключали в себе никаких больших глупостей, чем стародавние доказательства бытия бога.

Нетерпимые атеисты, оказывавшие сопротивление политике Робеспьера, сложили свои головы на плахе, но движение, направленное против свободы совести, исходящее из принципов просвещения, продолжалось все же в провинции. Дело мало меняется от того, было ли это борьба с церковью или, как это считали в Париже, дело рук иностранных агентов.

Наконец, в своей большой речи Робеспьер в схоластической форме выразил свой взгляд на соотношение между религией, нравственностью и революцией; это было в тот же знаменательный день 7-го мая 1794 года. С тяжеловесностью, обычно свойственной его красноречию, он возвестил о примате нравственности над религией и политикой, не желая признаться, что в настоящий момент выступал только как политик. Порок—основа монархии, республика же зиждется на добродетели. Казненных гебертистов он определенно обвинял в том, что они предали отечество, возбудили ненависть против царства разума, вследствие насилия над свободой совести; науськиваемые королями, Питтом и папами, они преследовали ни в чем неповинных

католиков. Выпады против существования бога и бессмертия души оказали зловредное действие. „Если бы бог и бессмертие были бы только иллюзией, то и тогда они остались бы самыми прекрасными созданиями человеческого духа“. Любой философ имеет право открыто высказывать свое мнение о боге и бессмертии, но никто не может насилием навязывать свое убеждение окружающим. Руссо, великий учитель человеческого рода, предтеча революции, с вдохновением говорил о божестве. Но признание высочайшего существа в силу этого нежелательно для властолюбивых жрецов положительных религий, этих попов, которые низложили своего владыку, чтобы захватить власть в свои руки: они для дела нравственности все равно, что шарлатаны в медицине. Без помощи попов нужно вернуться обратно к признанию божества.

При общем одобрении в том же заседании—никогда еще не испытывали такого горячего желания законодательствовать — новая вера была облечена в форму параграфов: „Французский народ признает существование бога и бессмертие души“. § 11 гласит: „На все будущее время устанавливается свобода культов“: Празднество в честь высочайшего существа было назначено на 8 июня. Художник Давид, этот церемониймейстер республиканской церкви, снова должен был обнаружить свои чары волшебника. Восстановление божества вызвало в Париже всеобщее ликование. В клубе якобинцев через 8 дней после речи Робеспьера один юноша внес предложение изгнать из пределов Франции всех боотступников. Робеспьер протестовал, как всегда упрямый в своем свободолюбии. Об изгнании безбожников хорошо писать в книжках, но эта мера не годится для проведения в жизнь во вновь родившейся республике. Эта защита религии Робеспьером сделала его популярным в известных кругах населения. В церквях после „Te deum“ возглашали „Vive Robespierre“; богатая молодая вдова назвала его своим высшим существом и предложила ему руку и сердце. Не обошлось дело и без неизбежного атрибута чрезвычайной популярности: покушения на жизнь,

причем, может быть, в покушение была раздута простая наэйтивность. „Рука преступления поднялась на добродетель“, — так говорилось в Якобинском клубе в высокопарном стиле того времени; „но бог природы не потерпел торжества преступления“. В храме разума, в соборе Парижской Богоматери собирались отслужить благодарственный молебен высочайшему существу. Сам Робеспьер воспрепятствовал этому. В Англии очень искусно воспользовались энтузиазмом, вызванным Робеспьером: все газеты стали писать о нем, как о диктаторе Франции.

За несколько дней до празднества Робеспьер вторично был выбран президентом Конвента, на этот раз единогласно: спаситель божества должен был стать верховным жрецом. Известно, что—и здесь в противоположность гебертистам — он выступал в красивом, почти что шутовском одеянии; народные представители с Робеспьером во главе представляли довольно пеструю картину республиканской пышности. Париж же не поскупился на флаги, гирлянды и цветы. После приличествующей случаю дейстической речи Робеспьера была сожжена громадная кукла, изображающая атеизм.

Во Франции как будто бы наступило успокоение и Робеспьер в самом деле, может быть, думал о прекращении революционного террора; но сначала должны были быть уничтожены, при помощи террора и гильотины, враги установившегося порядка, „кровожадные и хищные“ пособники Гебера, остававшиеся еще на свободе. Я не могу здесь рассказывать о том, как протекала то скрытая, то явная борьба между Робеспьером (вместе с Кутоном и с Сен-Жюстом) на одной стороне и сторонниками Тальена на другой, я не могу исследовать вопрос о том, было ли включено Робеспьером 10 или 100 врагов отечества в последний список осужденных, действительно ли угроза м-м Тальен была решающей для падения Робеспьера; наконец, правда ли, что в немногие недели между своим торжеством и своей гибелью он совершил еще ряд ошибок. Он был умен, но сила его заключалась не в дей-

ствовании; почти что с величием, но вполне с такой же ограниченностью, которая отличала его всю жизнь он шел с открытыми глазами навстречу гибели. Если действительно существовал (что вероятно), настоящий заговор против него, как нежелательного человека, то главою последнего, конечно, был не легкомысленный Тальен, но злонамеренный Фушэ, который отличался хитростью, граничащей с преступностью, и непогрешимым чутьем к тому, как могут быть достигнуты те или иные цели. Фуше, будущий герцог Отрантский, шел своей дорогой к внешнему величию через труп Робеспьера, подобному тому, как 20 лет позже он перешагнул через труп Наполеонова величия. И Фуше имел все причины опасаться гнева Робеспьера: достаточно было уже того, что Робеспьер даже и в гневе, даже сознавая собственную опасность, не хотел отказаться от форм справедливости, и в крайнем случае грозил, тогда как Фуше действовал. Кажется несомненным, что заговорщики, под предводительством Фуше создали в Конвенте большинство не только из многочисленных республиканцев, но также из тайных роялистов. Дело шло о том, чтобы в решительный день перекричать Робеспьера, говорящего свои пышные фразы.

В течение тех сорока дней, которые прошли между празднеством в честь Верховного Существа и гибелью революционного вождя и были отмечены достаточным бездействием со стороны Робеспьера, произошло разоблачение одного, в сущности маловажного, обстоятельства, которое, однако, было обращено против Робеспьера. Одна старая сумасбродка, которая уже раз сидела в доме умалищенных, Катерина Тео (*Théot*), в своей захолустной квартире устроила кружок верующих, сама разыгрывая из себя что-то вроде богоматери; незначительное число посвященных собиралось здесь в целях создания не то новой религии, не то новой секты. Катерина со своими приверженцами была арестована незадолго до празднества в честь Верховного Существа. До сих пор еще не установлено, находился ли Робеспьер вообще в каких-либо сноше-

ниях с этими иллюминатами. Но теперь его имя впустили во все это дело: Дом Герль, старинный приятель Робеспьера, ранее картезианский монах, был путанным богословом этого кружка. И Катерина, приветствовавшая в признании верховного существа победу своей ничтожной секты, обратилась теперь к Робеспьеру с письмом, где он назывался ее первым пророком. Один из заговорщиков доложил Конвенту об этом случае, требуя возбуждения дела против иллюминатов и не жалея в своей речи намеков, направленных против Робеспьера. Катерину Тео следовало просто выяснять за то, что свою фамилию она ставила в связь с греческим *theos* (что значит бог), по также и поведение Робеспьера было достойно осмеяния, если верить делавшимся уже тогда намекам, которые легендой были превращены в прямой упрек Робеспьеру, будто он хотел добиться от Катерины провозглашения себя новым Мессией. Ясно, в какую сторону был направлен этот удар; в действиях старой сумасбродки увидели удачную пародию на празднество в честь верховного существа, вместе с тем на Робеспьера падало серьезное подозрение в том, что он хотел превратиться в главу новой поповской религии. Это последнее обвинение очень хорошо сообразовалось с теми слухами, которые нарочно распространялись в тех целях, чтобы вызвать недружелюбное отношение к человеку, казавшемуся опасным: последний нес на себе всю ответственность за войну и за террор, за фанатизм и за умеренность, говорили о том, что он стремится к диктатуре или к триумвирату.

Отклонение обвинения против клики Катерины было последней победой Робеспьера в революционном собрании; исключение Фуше в годовщину штурма Бастилии было такой же последней победой в Якобинском клубе. Катастрофа разразилась неожиданно. Я не верю тому, что рассказывается горячими сторонниками Робеспьера, будто бы падение революционного вождя было разыграно как по нотам с предварительным распределением всех ролей. Я скорее склонен думать, что заговорщики должны были выступить

9-го термидора, так как днем раньше он сам коснулся выдвинутого против него упрека в тирании и опроверг его в патетической речи; хотя кое-кто из противников отвечал, хотя снова была речь о Катерине Тео и в вечернем заседании Якобинского клуба опасались за жизнь вождя, дело все еще не было решено. Развязка наступила 9-го термидора второго года республики, т.-е. 27 июля 1794 г. Робеспьера перекричали заговорщики, которым грозившая опасность смерти на эшафоте прибавила мужества. И подобно тому, как трусливое большинство по всем внешним признакам все больше высказываетеся против устанавлившегося порядка, с минуты на минуту возрастают ярость и храбрость ораторов, говорящих против Робеспьера. На него возводятся самые бесмысленные обвинения, снова поднимаются крики, упрекающие в том, что он не гильотинировал Катерину Тео и ее пустоголовых приверженцев. Робеспьер снова арестован, затем вновь освобожден своими сторонниками из Парижской коммуны, помимо своей воли, в качестве победителя отведен в городскую думу, там его снова захватывают, раздробив ему выстрелом подбородок, и на следующее утро казнят. Только в одном месте известная история этих немногих часов нуждается в подтверждении или в более точном исследовании. Обычно изображают дело так, что Робеспьер покушался на самоубийство, подобно тому, как непосредственно после этого поступил его брат Августин. По предположению же Эрнеста Гамеля, заговорщики подкупили солдата, который должен был застрелить Робеспьера. Так или иначе, выстрел, направленный в сердце, попал в подбородок, и Робеспьер должен был невероятно мучиться. Подробности, устанавливаемые Гамелем, основываются только на предположениях; но за то, что Робеспьер не сам нанес себе рану, говорят большая вероятность.

Он умер без страха смерти. Замечательно, что жертвы гильотины, мужчины и женщины, жирондисты, и роялисты, священники и террористы, в тот год, когда во Франции не было бога, в лучшем же случае,

существовало верховное существо деизма, умирали с большим бесстрашием, чем большинство христиан, сохраняющих веру в свою церковь. Это нужно всегда иметь в виду, если мы хотим прочувствовать последние этапы борьбы во время террора: противоположность деизма и атеизма относились не только к области богословия, но и к сфере психологии, т.-е. темперамента и настроения. Это одинаково верно и для вождей, и для народа, и тому служит доказательством дальнейший ход дела: судьбы христианских церковных установлений.

Парижский народ, вне всякого сомнения, был настроен против церкви и против попов, мало заботясь о различии между деистическим праздником в честь Верховного Существа и атеистическим поклонением разуму; для того же, чтобы разобраться в этих понятиях, народ не был достаточно образован; но с другой стороны, он был слишком падок на удовольствия, чтобы с легким сердцем отказаться от привычного празднования воскресений. Парижане отнюдь не были склонны к вегетарианству и потому легко отказались от церковных постов. Но внешняя пышность католических праздников была любезна народному сердцу, и еще, или уже, в 1792 году на улице подвергали побоям тех, кто в день прохождения процессии в праздник тела господня не украшал свои окна коврами. Сам бог был в пренебрежении и рассматривался, как сообщник аристократии, но богоматерь почтилась по прежнему и изображения ее увивались пестрыми лентами и ушивались еще более ценными приношениями. Даже якобинцы не решались посягнуть на крест, красовавшийся в зале заседаний клуба. Процессия тела господня, правда, была запрещена властями еще в 1793 г., но очень скоро суеверный народ потребовал ее восстановления. Введение республиканского календаря, который упразднял воскресенье и начинал летоисчисление не с Рождества Христова, было делом рук не рационалистов, но иконооборствующей атеистической группы. Рационалистичным было решение ввести метрическую систему монет, мер и весов; новый же календарь был

враждебен церкви. Шомет вместе с Гебером и Анахарсисом Клоотцом могут хвалиться тем, что после Юлия Цезаря и папы Григория XIII им введен новый „стиль“, вернее „Временник“ (annuaire: самое обозначение „Календарь“ было отменено). Последователь Руссо Робеспьер был бессилен в борьбе с ревнителями Гольбаха. Новый календарь был антихристианским в силу того, что год и все летоисчисление должно было начинаться с 22 сентября (1792 г.), первого дня воскресенья. Именно народная привычка праздновать седьмой, а не десятый день была подводным рифом, на котором потерпел крушение республиканский календарь. Дело тут было вовсе не в противодействии католического духовенства. Собственно говоря, календарь—республиканский счет годов и употребление новых звучных имен месяцев—сохранились еще много лет после основания империи и заключения конкордата. Большинство духовенства подчинилось нововведению. Но празднование декад никак не могло заменить празднования воскресенья.

Отвращение массы к новому календарю было столь велико, что после падения Робеспьера повсюду ожидали восстановления католицизма. Но новое правительство в сотрудничестве духовных лиц и роялистов видело опасность для республиканской формы правления и по политическим соображениям оставалось враждебным церкви. Директория снова начала преследовать священников и католические обряды, закрыла католические частные школы, в общественных же учебных заведениях всерьез стала проводить принципы республиканского воспитания, не признающего никакого бога; в силу этого нового направления, запрет празднования воскресенья был еще подчеркнут и, навряд ли с этим, мы имеем попытку связать празднование декад с введением нового культа.

Но тут дело дошло до решительной борьбы между правительством, с некоторым опозданием стремившимся

создать для буржуазной религии своего рода „разумный“ культа, и католическими священниками, которые однако умели оказывать скрытое противодействие „республиканскому духу“, оставаясь под прикрытием консервативных симпатий народа и чиновничества. Церкви были на руку растрянутость и скуча республиканского богослужения. Тогда как тайные полицейские донесения повсюду предсказывают скорый конец „фанатизму“, преуспечение нового календаря снова задерживается; новые обозначения обычно смешиваются со старыми, с прежними днями святых.

Официально и полуофициально по отношению к церкви все еще употреблялись выражения: „фанатизм“ или „суеверие“. Но власти озабочены уже тем, чтобы при помощи внешних средств фанатизма, музыкой и внешней торжественностью привлечь к себе ту или иную общину. Официальные писатели все еще усердствуют в ложных пророчествах о конце церкви, но в стране повсюду, по крайней мере с лета 1799 г., восстанавливается празднование воскресений. В Париже еще не молятся перед статуями святых; но и бюсты Расина, Мольера, Рейналя, Монтескье и Вильгельма Телля, которые ставятся заботами правительства, также не вызывает благочестивых чувств. Особенно при похоронах не желают и слышать об официальном отказе от церковных обрядов и возвращаются вновь к „фанатическому“ образу действия. Принцип веротерпимости, который за два поколения до того был обращен против церкви, на исходе революционного движения означает победу католицизма; свобода вероисповеданий, усиление которой предшествовало на два года конкордату 1802 г., была решающим шагом в деле восстановления упраздненного христианства. Некоторые из числа „свободомыслящих“ выражали теперь сожаление в том, что революция не привела к реформации христианства, к протестантству.

Со времени конкордата дни официального празднования декад были сочтены; в сентябре 1805 г. вновь был введен старый календарь и несколькими месяцами позже бог восстановлен во всех частях Франции. За-

воевания великой революции собственно говоря свелись только к введению гражданской метрической записи и к внешней свободе культов.

Такой исход дела станет несколько более понятным, если вспомнить, в каком невежестве пребывал французский народ вплоть до революции. Почти все поголовно были безграмотны. Духовные вожди революции были плохими организаторами в этой области. Они много говорили о свободе обучения, разрушали старинные учреждения, например, Сорбонну, питали привязанность к громким фразам и превращали дело народного образования сплошь в театральные эффекты. Народ, однако, продолжал пользоваться с полной свободой лишь правом не уметь читать и писать. Для хода революционного движения низкий уровень образования имел значение, которое долгое время недооценивалось.

В особенности поражает даже пессимиста то открытие, что во Франции в 1789 г. дело обстояло очень плохо с самыми элементарными знаниями. Мерсье, может быть, и преувеличивает, утверждая, что на сто французов едва ли один умеет читать, но, по правде говоря, немногим лучше обстояло дело с первыми начатками знания. Все растущая нужда, следствие плохой валюты и всеобщего спекулянтства, ожесточала народ против короля и королевы (позже против всякого правительства), против дворянства, против богачей, против священников. Невежество возбуждало в массах привязанность к католическому культу, в силу чего, после нескольких лет официального безбожия, возврат к церкви совершился не с большей трудностью, чем введение нового покрова платья; невежество заставляло народ одинаково способствовать, быстро следовавшим один за другим, и атеистическому культу разума, и дейстическому культу верховного существа, который был делом рук полуинтеллигентов. Абстрактная моральная религия теофилантропов, эта религия образованных, никогда не пускала жизненных ростков. Первые мероприятия революции вплоть до казни короля были направлены против церкви, а не против

христианской религии. Церковные имения были конфискованы; монастыри и монашеские ордены уничтожены. Уравнение в правах всех вероисповеданий установлено, гражданский брак введен, но праздник тела господня еще в 1792 г. праздновался по старому; так же было и в 1793 г., когда даже в самом Париже во многих случаях крестные ходы не должны были выходить за церковную ограду. Но со временем падения Жиронды, все сильнее раздавались голоса против церкви; было проклято все, что причислялось к аристократии, в том числе и бог. Верховное существо было более любезно демократии, но тем не менее оно никогда не проникло в народную гущу. Празднество в честь верховного существа состоялось лишь один только раз; отдельные католические церкви были вновь уже открыты и воскресенье восстановлено в своих прежних правах. Замена святых абстракциями (свобода, равенство, дружба, предки, счастье), приуроченными к каждому дню и к отдельным праздникам, никогда не были столь опасны для церкви, как попытка устраниć воскресенье.

В самом деле, как Конвент, так и директория вели гораздо более ожесточенную борьбу за празднование декад, чем происходившая в свое время борьба за уничтожение христианства и свержение бога. Боролись с укоренившимися в народе привычками. Через 5 лет после введения новой эры республиканский almanac все еще не установился, несмотря на официальную датировку во всех произведениях печати; в особенности воскресенье не могло быть вытеснено декадами. Католическую церковь все еще не удалось повсюду принудить перенести праздничную службу с воскресений на дни декад. Духовенство имело за собой сочувствие народа, и чиновникам почти никогда не удавалось добиваться своего. В 1798 г. директория предполагала в широких размерах заменить в церквях католическое богослужение культом теофилантропов. Из этого ничего не вышло. Республиканский календарь пользовался в столь незначительной степени любовью народа, что еще в VI году республики наряду с новыми обозна-

чениями „annuaire'a“ мы встречаем прежние церковные наименование месяцев, дней и святых. Празднование декад было установлено законом и связывалось с публичным производством бракосочетаний; старались дать сразу занятное развлечение как для ушей, так и для глаза; это было довольно хитро задумано; но зато, если не было свадьбы, храм пустовал. Республиканский календарь, можно сказать, не проник в просторечие, только отдельные важные даты запомнились по новому обозначению, говорили о „18 брюмера“, как об „идах марта“. Но новое летоисчисление не вошло в плоть и кровь.

Хотя религиозная свобода в принципе была провозглашена, об ее всеобщем применении сначала не могло быть и речи,—столь сильна была ненависть Шомета и его приверженцев к католической церкви. При погребениях не должно было быть никаких знаков траура, никаких процессий и церковных служб, так как одновременно с этим было отдано распоряжение о закрытии всех зданий, носящих наименование церквей; началось иконоборство и разграбление храмов.

Якобинцы примкнули к радикальному и изобилующему театральными эффектами атеизму Шомета; вплоть до марта 1794 г. Робеспьер не решался выставить свою скромную программу деизма. Но со свойственной его государственному разуму изворотливостью, он все же желал дать народу что-то взамен прежней религии: по крайней мере, спокон веков признанные понятия бога, свободы и бессмертия. Свобода в смысле политическом, с обязательной гильотиной, бог и бессмертие в смысле религиозном. Согласно своей предусмотриительности, которая требовалась государственными соображениями, он сначала уничтожил противников, прежде чем выступить против их доводов. В марте он отдал распоряжение об аресте Гебера и затем Шомета с его кликой, и немного спустя послал их на эшафот. Затем, как уже сказано, 7 мая он произнес замечательную речь, в которой настаивалось на полной серьезности республиканского словаря и свободы совести, от имени французского народа утверждалась

несомненность существования нового бога, именно верховного существа; и равным образом, достоинство человека, о чём говорилось уже почти языком Фихте и Шиллера. Делались попытки высмеять празднества в честь верховного существа и ту роль папы деизма, которую в этом случае разыгрывал Робеспьер, облекшись в буржуазные ризы. Насмешники менее всего имели право смеяться над этим зреющим; в первый и последний раз легкомысленная народная масса правила нечто вроде богослужения абстрактному божеству английских деятелей и Руссо. Позднейшая попытка заменить религию учением о добродетели, ввести культ теофилантропизма, как уже сказано, окончилась неудачей в виду того, что установленные обряды были крайне скучны, а также потому, что при директории республика вообще склонялась к упадку. В феврале 1795 г. снова были декретированы свобода и равноправие всех вероисповеданий, но на этот раз католическая церковь использовала народное настроение в целях завоевания своего прежнего положения. Правительство не решалось ни на какие мероприятия против католических священников и преследовало только их роялистические склонности. Пренебрежительное обозначение католицизма, как фанатизма, все еще было в ходу в официальном языке, но понемногу народ снова привыкал к старинным религиозным обычаям. Уже к этому времени охлаждения революционного духа относится незаконное детище Революции—теофилантропизм, появившийся в апреле 1797 г. Один из членов директории был его Моисеем, долговязый же аббат—Аароном новой эры, которая только ограниченностью своей фантазии отличалась от наиболее скучных моральных сентенций Герберта Черберийского и Робеспьера.

Директория предполагала использовать республиканских теофилантропов в пику политически-неблагонадежным католическим священникам; над последним издевались, теофилантропы же поощрялись в целом ряде мелочей. Все напрасно; движение скоро иссякло, так как трудно себе представить, какая вера могла жить в сердцах теофилантропов; их же прихожанам

даже деньги не могли возместить пустоту празднества. Только небольшое число полуобразованных атеистов могло согласиться на замену пышности католической мессы разговорами о добродетели теофилантропов. В церкви часто спали во время проповеди, хотя это считалось мало добросовестным; однако в новых храмах можно было зевать со спокойной совестью. После государственного переворота Наполеона („18 брюмера“ или 9 ноября 1799 г.) еще некоторое время сохранялось летоисчисление по республиканскому календарю, но языческий праздник декад отошел в прошлое. Мощная организация католической церкви сохранилась, несмотря на все преследования, несмотря на то, что отколось много священников; принявшие на себя наследие дейстической религии новаторы — безразлично от своей большей или меньшей склонности к обожествленному разуму — никогда не обладали никакой организацией и теофилантропизм бесславно погиб, после того, как его основатели вышли из состава правительства.

ГЛАВА V.

Атеизм в эпоху Наполеона.

Наполеон действовал вовсе не наперекор большинству, когда в 1802 г., заключив конкордат, вновь заменил „гражданскую религию“ католической церковью, а затем в 1805 г. вернулся к христианскому календарю после 13-летнего существования республиканского времяисчисления. Католическая церковь не изменилась; лишь только ей была возвращена власть, как она вновь стала проявлять свои прежние деспотические замашки; ей не нравилось сохранение гражданского брака и гражданской метрической записи, ей была неприятна охрана прав некатолических религий и она с неудовольствием смотрела на то, что в 1814 г. протестантам и даже евреям было предложено вознести благодарственные моления по поводу перехода власти к Людовику XVIII. Прежнее свое социальное положение католическому духовенству не удалось вернуть. Переворот, произведенный революцией, был здесь слишком глубок; но уже в 1814 г. папа восстановил орден иезуитов, который 40 лет тому назад был уничтожен другим непогрешимым блюстителем св. престола; иезуиты, которые в столь многих странах заставили пойти назад реформацию, должны были теперь заставить пойти назад революцию. В этих же целях ничтожные венценосцы, одолевшие и лишившие свободы Наполеона, заключили союз, который был ими назван священным.

В мои задачи не входит обозрение исторических событий; но образ Наполеона имеет исключительное

значение так же и для истории атеизма. Так же и в области религии было колоссальным делом одновременно завершить и преодолеть идеи великой революции. Со временем пап эпохи Возрождения вплоть до Наполеона не было ни одного венценосца, который бы до такой степени не верил ни на одну иоту догматам христианства, не признавал бы ни бога, ни дьявола, и вместе с тем в области политики пользовался своеобразной „идеологией“, согласно которой миллионы обитателей Западной Европы принимают за истину эти учения, равно как с бесчувственностью трупов готовы следовать привычным церковным обрядам. Гениальный человек, подстрекаемый живущей в нем демонической силой, пытался осуществить мечту о мировой империи; он вместе с тем совмещал в себе дерзкую веру в две, идеи средневековья и нового времени: религию и национальность, каковые и входили в его планы. Ради принципов национальной идеи, которая для него была пустым звуком, он перевернул всю Европу, раздробил на куски Германию и взвинтил французский патриотизм до безумия шовинизма. Он не был французом; чтобы казаться им, он вычеркнул (до 1796 г. он был Буонопарте) из своей фамилии итальянскую гласную „и“, стал называться Бонапарте, затем Наполеоном. В такой же малой степени, он в глубине души был христианином, не говоря уже о католицизме; так же и после конкордата он говорил таким надменным тоном с папой и епископами, которого никогда не мог бы позволить себе верующий католик. Он платил за оказанные ему Римом услуги католической фразеологией в такой же мере, в какой он устанавливал свой бюджет в зависимости от благостояния захваченных стран. Совершенно подобным же образом он вел себя в Египте магометанином, чтобы привлечь к себе сердца исповедующих ислам.

Несомненно, с самого начала его единоличного господства им руководил тот принцип реальной политики, что власть духовенства поощряет глупость народа и делает последний более уступчивым по отношению к требованиям правительства. И он мог здесь

вполне в духе демократии сослаться на жизненный опыт, показывающий, что чернь, неграмотные французские массы крепче держались за старинные обычай, чем за новшества революции, и в то же время, при восстановлении католического бога, он мог опираться на первоначально революционное требование свободы совести. Скоро он снова стал говорить языком католицизма; но подобно тому, как он, только притворный француз, в возбуждении всегда снова переходил на свой родной итальянский язык или его наречие, так и у императора Наполеона часто среди напыщенных заявлений в пользу папизма прорывались слова, обличавшие в императоре порождение революции. И нельзя отрицать, при всем удивлении перед гением Наполеона, что он льстил католической церкви, обольстительный, как всегда, в тех случаях, когда хотел завоевать сердца, причем он подчинялся здесь не только требованиям высокой политики, но так же и мелочной человеческой суетности, находя приятной лично для себя декоративную пышность церкви. Весь католицизм для него — точно старая декорация; для своего коронования он нуждался в папе, подобно тому, как и в старинном французском дворянстве: как в предметах роскоши. Тому много доказательств.

В то время, как генерал Бонапарт, например, вел переговоры о первом конкордате, папский же легат Капрара начал чинить препятствия, генерал воскликнул: „Разве вы еще в состоянии творить чудеса? Если так, вы очень меня обяжете, показав это на деле. В противном же случае творите мою волю“. Наполеон понял, что революция не в состоянии привлечь церковь на свою сторону; церковь же убедилась, что революция непобедима; это сделало возможным конкордат. Но Наполеон был сильнее и умнее папы; церковь, согласно изречению самого императора, стремилась оставить за собой души, предоставив ему только трупы; он же заявил притязания и на души, заботясь о том, чтобы народ вернулся к внешнему благочестию. Величайший из всех реалистически настроенных фантастов грезит о мировой церкви, которая бы выполняла его приказания;

о всеобщем соборе под своим председательством; бывали папы безбожники, точно так же и Наполеон, владыка мира, одновременно мог бы сделаться главою христианства. Я уже указал на то, что Наполеон заставлял папу освятить свое коронование (хотя полководец сам возлагал на себя корону), следовал не только склонности к исторической традиции, но так же и своей человеческой потребности к необычайной пышности; точно так же, как он добивался своего признания старинными владетельными домами, руководствуясь подчас низменными мотивами страха и хитрости.

Как безбожный политик, Наполеон обрисовывается в замечательных мемуарах Ласказаса, не в тех местах, где о боге нет речи, но в особенности на немногих страницах, посвященных религии. Такова, например, запись от 17 августа 1816 г.: „Религии—не что иное, как создание людей“. Уже в 13 лет Наполеон потерял свою слепую веру. Правда, он стал дейстом. Но мы не знаем ничего о боге. „Мы подобны часам, которые идут, сами ничего не зная о часовых дел мастере“. Только как политик, он решился на восстановление религии; некоторое время он думал о том, чтобы насадить во Франции протестанство; так следовало бы поступить Франциску I, если бы последний разбирался в подобных вещах. Но из осторожности Наполеон решился завязать сношения с папой.

Когда у Наполеона не оставалось больше сомнений, что Англия будет рассматривать его, как пленника, и сошлет на остров св. Елены, он кокетничал с мыслью о самоубийстве. „Я не изменил бы своим принципам“. И никаких религиозных колебаний.

Влияние безбожия Наполеона на его современников было не малым. Известный астроном Жером де-Лаланд, со своим фанатическим атеизмом, был бы лишь одним новым звеном в цепи французских вольнодумцев, если бы его выступления не относились к тому времени, когда Наполеон уже подготовлял конкордат и, следовательно, восстановление католицизма. У Лаланда был столь математический образ мыслей, что свое второе „признание“ в 1805 г. он облек в сухую

математическую форму ряда предложений, которые требуется доказать: „Бога нельзя постигнуть, нельзя воспринять, нельзя доказать, но все можно объяснить без ссылки на него“. Он исследовал весь звездный мир—и нигде не нашел следов бога. Но это самый последовательный из сторонников людей, в 1793 г. низложивших бога, был все же в достаточной мере политиком, чтобы считать полезным для народа сохранение религии. Монж в присутствии генерала Бонарта назвал его христиански настроенным атеистом, и Лаланд признал правильность этого обозначения: его атеизм вытекал из его мировоззрения, склонность же к христианству была плодом знания людей *).

Лаланд (род. в 1732, ум. в 1807) в молодости был командирован в Берлин для работ, связанных с определением параллакса луны; здесь он присоединился к кружку французских ученых, которых Фридрих Великий объединил в своей академии. Ему еще не было полных 21 года, когда он сделался в Берлине уже чем-то вроде профессора астрономии. История наук говорит нам почти исключительно об его астрономических сочинениях, которые он в течение многих десятилетий издавал в Берлине и затем в Париже; у него не было каких-либо гениальных способностей, но он обладал умением вносить поправки в вычисления самых выдающихся наблюдателей. В качестве астронома, он был деятельным сотрудником, согласно духу времени, атеистической „*Encyclopédie Méthodique*“ Нэжона, во время

*) Если бы приводимый ниже известный анекдот был достаточно достоверен, мы имели бы характерное подтверждение религиозного неверия Наполеона и упорства, с каким продолжал существовать революционный атеизм. Наполеон спросил знаменитого астронома Лапласа, почему в своем главном труде „Небесной механике“ (*Mécanique céleste*) он нигде не упоминает о боге; ответ, достойный математика, гласил: „Sire, je n'avais pas besoin de cette hypothèse“ (Государь, у меня не было надобности в этой гипотезе). Не смешали ли здесь Лапласа с Лаландом? О Лаланде Метерних еще в 1838 г. (в разговоре с Анастазиусом Грюном, графом Ауэрспергом) упоминал, что при знакомстве с кем-нибудь он начинал разговор словами: „Vous savez que je suis athée“ (вам известно, что я атеист).

же треволнений террора отличился тем, что спас жизнь многим аристократам. Мы едва ли знали бы о нем что-либо, как о вожде атеистов во времена империи, не будь он инициатором и продолжателем „Словаря древних и новых атеистов“ (*Dictionnaire des Athées anciens et modernes*) Сильвена Марешаля: появление этой книги в начале 19 ст. было небольшой обструкцией со стороны свободомыслия.

Сильвен Марешаль (род. в 1750 г., ум. в 1803 г.) был малозначительным писателем, притязающим на остроумие, лирическое рифмоплетство которого едва ли сохранилось бы для потомства, не примкни он к движению, противному церкви. Уже в 1781 г. он издал перевод Лукреция, которой позже часто цитировался под заглавием „*Lucrèce français*“ *). Затем, еще до введения республиканского календаря, он опубликовал „Альманах для образованных“, в котором имена святых заменены именами знаменитых людей в самой пестрой последовательности, начиная от Иисуса Христа, вплоть до Нинон. В культе разума он принял участие, составляя гимны и канканты, к которым писал музыку Гретри. Дальнейшие антихристианские его сочинения (начиная с 1797 г.) подали повод к тому, что в обществе, уже подготовленном к восприятию романтического христианства в духе Шатобриана, начали ходить слухи об умопомешательстве Марешаля. В ответ на это, он пытался доказать полную трезвость своего ума, написав четырехтомный труд „Путешествие Пифагора“.

Только теперь он составил, в качестве завершения всего своего жизненного дела „Словарь атеистов“, очевидно, руководствуясь планом Лаланда. Быть может, у обладающего широким кругозором астронома

*) Позднейшая издания „*Lucrèce français*“ имеют эпиграф, который в наиболее сжатой форме предваряет всего Фейербаха:

„L'homme a dit: faisons Dieu, qu'il soit à notre image,
Dieu fut, et l'ouvrier adora son ouvrage“

(Человек сказал: „Сотворим бога по нашему подобию“. Бог стал, и творец преклонился перед делом рук своих).

имелась тенденция представить богоотступников в качестве более нравственных людей. „Только добродетельный может быть атеистом“. Несомненно Лаланду же принадлежит и другая тенденция книги: у целого ряда современников разоблачить склонность к атеизму. Великолепен был ответ Лаланда на тот упрек, что некоторые имена приведены без всяких доказательств: „Возражение можно было бы принять, имей включение в словарь целью опорочить приводимых лиц; но, наоборот, дело шло о том, чтобы только прибавить новый блеск к их славе“.

Уже за издание еретического альманаха Марешалю грозило тюремное заключение. После появления в свет словаря он не был привлечен к ответственности, но новые слои общества старались покрыть его презрением. Он издал еще несколько парадоксальных мелочей (между прочим, требование, чтобы женщинам запрещено было учиться читать) и умер спокойно, оплаканный своей благочестивой женой и немногимичисленными поклонницами, которые не вменили во зло оказанное им противодействие эмансипации женщин. Еще за двадцать лет до смерти он сам сочинил свою эпитафию:

Cy repose un paisible Athée
Il marcha toujours droit sans regarder les cieux.
Que sa tombe soit respectée,
L'ami de la vertu fut l'ennemi des Dieux *).

Лаланд в 1803 и в 1805 г.г. напечатал два дополнения к сокращенному изданию словаря; они относятся к числу редкостей, хотя и вошли затем в новое издание в 1833 г. Лаланд называет себя там старшиной и главой сократовских сект. Он гордится в большей степени своим атеизмом, чем успехами в области астрономии. В широких чертах он опровергает возражения сторонников благочестия, с особенной же си-

*) Здесь покоится мирный атеист; он шел всегда прямой дорогой, не считаясь с небесами; почтите его могилу; друг добродетели, он был врагом богов.

лой обрушивается на великого Ньютона, считая его набожность следствием наступившего уже в то время старческого слабоумия. Теми же причинами, но в крайне презрительных выражениях, он объясняет приверженность к церкви низкого перебежчика из одного лагеря в другой Лагарпа.

Столь же смело и дерзко Лаланд разделяется со своими противниками во введении ко второму „дополнению“. „Никто не может быть большим атеистом, чем я, так как я стремлюсь к истине. Если бы бог существовал, мне нечего было бы его бояться... Бог в своем бесконечном совершенстве создал весьма несовершенные вещи“. Со временем Паскаля, всегда утверждают, что вера (на основании теории вероятностей) дает большее приближение к истине; Лаланд с этим готов был бы согласиться, если бы дело шло о сомнении; но он не сомневается в несуществовании бога; Лаланд ссылается на изречение Диодо: „Жесточайший враг человечества, руководясь намерением причинить наибольшее зло людям, выставил учение о существовании бога.“.

Легче быть математиком, чем атеистом; чтобы стать полным атеистом, нужно больше вдохновения, чем для создания трудов, подобных работам Ньютона и Эйлера. Астроном наполеоновского времени заботился о том, чтобы и после смерти за ним осталась слава атеиста. Он так писал: „Обо мне когда-нибудь будут говорить: Жером Лаланд, не последний из астрономов своего времени, был также не первым философом атеистом“.

Выражением Наполеоновой империи в области искусства был стиль ампир, получивший свое наименование по форме правления: это был ложноклассицизм, подделка под античность, воскрешенный из могилы ренессанса. Литература и наука времени ампир отличались большей подлинностью; свободомыслие энциклопедистов продолжало жить, приняв, правда, бывшие на внешний эффект и далекие от гуманизма формы. Но грациозная прелесть вольтеровских писаний отошла уже в область прошлого.

Литературным апогеем антихристианства, которое все чаще выдает себя за деизм, является пародия, опубликованная Парни в 1799 г. под заголовком „La guerre des Dieux“. Парни был подражателем Вольтера, со стороны которого нашел себе признание, но отличаясь большой ревностью, он не обладал такими же литературными достоинствами, как великий писатель. Эварист Парни родился в 1753 г. на одном из островов Спасения (с 1809 по 1814 г.г. остров Бонапарте, раньше и позже остров Бурбонов) и умер в декабре 1814 г. в Париже, окруженный большим почетом членом Института и пенсионером Наполеона. В своей необыкновенно пустой и скучной вступительной речи в Академии от 6-го нивоза XII года республики он восхваляет подражание древним, согласно шаблону осыпает похвалами своего предшественника, прославляет миролюбие существующего правительства (28 декабря 1803 г.); этот писатель, дурной вкус которого свидетельствует о декадансе французского XVIII столетия, в риторических выражениях сам обличает дурной вкус у поэтов и вырождение интересов у публики. Еще до революции он вызывал к себе внимание эротическими стихами, смелыми подражаниями Тибуллу и Проперию, которым, однако, несмотря на те же любовные непристойности, не хватает не только обезоруживающей красоты римских элегий Гете, но точно также в большинстве случаев грациозного остроумия Вольтера или Гейне. Язык, собственно говоря, очень сух.

Как позже в своих „Galanteries de la Bible“ („Библейские волокитства“), так и в поэме „Война богов“, он пытался придать известную духовную высоту своему малопристойному цинизму путем неслыханных до той поры дерзких выпадов против всех святынь христианства. Парни нельзя отказать в остроумии особого рода, в резком остроумии, которое диктуется гневом. Общий замысел в целом не лишен величия (а позже он часто служил образцом для более серьезных художников), но вся беда в том, что автор сам постоянно нарушает стройность этого плана, чтобы вне всякой зависимости от требований художественности досыт

наслаждаться своими сальностями. Мы встречаемся здесь с самыми неистовыми оскорблениеми трех лиц святой троицы и девы Марии.

Автор делает вид, будто он вдохновлен духом святым, заставившим его взять перо в руки. Дело идет о завоевании Олимпа, о вытеснении древних богов Эллады новыми христианскими божествами. В происходящей борьбе эротические подробности часто приводят к карикатурно смешным положениям, часто же сопровождаются отвратительными нецензурностями. Если все это окинуть беспристрастным взглядом обитателя какого-нибудь Сириуса, то можно в общем вынести следующее положение: характеристики бога отца и девы Марии, несмотря на всю свою дерзость, не лишены юмористических черт, дух святой превратился в дурную, бездушную литературную сатиру, с полным бесстыдством трактован образ Иисуса Христа.

Христианские божества со всем их небесным придворным штатом сначала с полным гостеприимством принимаются на Олимп. Я обхожу молчанием в высшей степени неприличную сцену, разыгрывающуюся между Аполлоном, Марией и святым духом, равным образом я опускаю в дальнейшем все нецензурности, которыми разукрашено описание вскоре разгорающейся битвы. Но в пользу Парни нельзя не привести того обстоятельства, что даже полные благочестия поэты XVI, XVII и того же XVIII столетия не сккупились на сальности и грубости, когда нужно было изобразить войну небес с преисподней.

Тартар быстро завоевывается христианскими чертами; боги Греции „сражаются как одержимые неистовством, как глупцы, короче говоря, как боги“. Но они побеждены, доведенные до отчаяния невыносимой ангельской музыкой. Тут на помощь греческим собратьям являются древние германские боги со своими валькириями (последним даются смешные прозвища). Мощные языческие полчища уже грозят гибелью христианским завоевателям: волк Фенрис схватил ягненка, Один—богоматерь, Юпитер вцепляется в бороду богу отцу, а его орел низвергается на голубя. В этот кри-

тический момент Приам вместе со своими фавнами, которые с самого начала борьбы стали христианскими монахами, решает победу христиан. Не при помощи оружия, но путем ссылки на человеческое мнение. „Человек уже сделал свой выбор, безразлично, истинно оно или ложно“. Эдиктом императора Константина (к этой эпохе приурочена война богов) на языческую религию налагается запрет и Олимп отдается во власть христианским богам. С земли доносятся возгласы: „Да здравствует святой крест, долой Юпитера („Vive la croix! Au diable Jupiter“). Языческие боги удаляются на Парнас.

Ainsi finit cette guerre funeste.
Elle ayant mis nos bons saints sur les dents
La paix revient au Charenton céleste
Et les mortels disaient: il fait beau temps *).

Я не выкапывал бы из пыли забвения антихристианскую поэму эротика Парни, если бы в ней не отразился дух времени. В момент ее появления Наполеон готовился захватить власть, тот самый Наполеон, который вслед затем заключил мир с католической церковью. Уже непосредственно перед этим, как мы видели, директория несколько смягчила революционные проявления вражды к церкви; католицизм оценил преимущества своего положения и стал укрепляться. Снова можно было безнаказанно заявлять о своей привязанности к церкви; проникнутое ханжеством сочинение Лагарпа появилось в 1797 г.; этим именно годом, а не годом республики оно было датировано. Нет ничего удивительного поэтому в том, что модные писатели того времени—а Парни, благодаря своим любовным песенкам, все же относится к числу классиков нового времени—снова должны были вернуться к старому мотиву Вольтера *eraser l'infame*, действуя от имени соразмерного с разумом деизма, точно великая революция вовсе не перевернула все вверх дном

*) Так кончилась эта злосчастная война. Она дорого обошлась голубчикам нашим святым. Мир воцарился в небесном Шарантоне, смертные же говорили: „наступила хорошая погода“.

десять лет тому назад. Но пляска вокруг богини Развума не прошла без последствий: двадцать лет тому назад Вольтер без смертельной опасности не мог решиться на то, что от Парни уже не требовало никакой смелости: открытое поношение всех христианских таинств и символов. Парни мог с полной свободой осыпать поношениями христианских голубя и ягненка.

Святая троица, „en petit comité“, совещается о том, как сохранить за собою власть над глупым человеческим родом; при этом дух святой высказывает следующее суждение: „Юпитер кончил свой век; исчезнем когда-нибудь и мы, и много последующих богов; лишь единый остается, оставался и навсегда останется“. Бог-отец чуть не засыпает во время этой проповеди.

В третьей песне, незадолго перед тем, как библейская Юдифь совершает свой подвиг, рассказывается о том, как шесть только что умерших праведников добиваются доступа на небо; на вопрос о том, какую религию они исповедуют, первые пять душ указывают на различные веры; шестая же по-просту заявляет, что она не признает никакой религии. В ответ на настойчивые расспросы ангельского стражи, во что же она тогда верит, следует такое заявление: „В бессмертную душу и в бoga милующего и карающего; больше ни во чём“. Ангел пропускает эту душу на небо: она может выбрать себе местечко, где захочет. И поэт прибавляет от себя с (на этот раз) шутливым лицемерием: „Так мыслит, к таким ухищрениям прибегает мудрый философ наших дней. Да простит ему бог, если это во власти бога, подобную чепуху! Французы, верьте во все, во что верили ваши отцы! Француженки, любите все, что любили ваши матери!“

Восьмая песнь заканчивается драматически изложенной историей христианства уже после эпохи Константина: неустанно идет здесь резня. Контр-реформация и Варфоломеевская ночь протекают под непрерывные захвачивания хора духовенства: „Tuons, morbleu, tuons toujours“ („бейте, бейте, убивайте неустанно, чорт возьми“).

Мария в ужасе от преступлений, совершаемых во имя религии, и в простоте душевной восклицает:

Helas il valait mieux
Pour votre bonheur ne jamais etre dieux *).

Дух святой и бог отец набрасываются на нее с упреками; ее ужас не чужд философии; последняя же со временем станет величайшим врагом христианских богов. „При одном упоминании о действиях мы станем дрожать от ужаса; эти действия станут почитать другого бога вместо нас“ (Иисус Христос просит говорить тише), „Бога, полного милости, действительного бога, существующего благодаря самой же философии. Мы, пустой вымысел, существуем только по милости людей: достаточно одного только сомнения с их стороны, и мы снова погрузимся в ничто“. Такова будет участь божественной троицы, так как разум одолеет невежество.

Я опустил ряд шутливых нападок на бога; но об этих серьезных выпадах против бога, облеченный в форму деизма, нельзя было умолчать, так как они входят в историю атеизма. В дерзком, но неясном эпилоге Парни указывает на атеизм своего времени. Время антихриста наступило. Но и тут следуют несколько фраз, направленных против атеистов 1794 г. Парни продолжал свою войну богов; но правительство Людовика XVIII раздобыло эту рукопись и обрекло ее на сожжение.

Едва ли нужно указывать на то, что под конец революционного периода, при Наполеоне, начала поднимать голову реакция: в литературе и в науке. Так же, как позже в Германии, она была следствием военных успехов. Несколько особняком стоит здесь отречение оставшихся в живых энциклопедистов от идеалов Вольтера и Руссо.

Было бы праздным делом задаваться вопросом, как отнеслись бы к революции эти два главных бойца за освобождение, если бы они еще жили в эпоху торжества их направления: не стали ли бы и они предметом преследования, или же встретили бы с радостным удо-

*) „Увы, для сохранения вашей чести лучше бы вам было вовсе не становиться богами“.

власторечием победу своих мыслей. Но, быть может, не лишено интереса, как отнеслись к событиям великой революции бесцветный последователь Руссо аббат Райналь и слабый ученик Вольтера, не в такой еще степени забытый Лагарп.

Гильом Томас Франсуа Райналь (род. в 1711 г., в южной Франции, ум. в 1796 г.) составил ряд жалких книг, которые в свое время имели такой успех, что имя автора называлось в Париже наряду с именами Вольтера, Руссо и Монтескье; Руссо восхвалял его дружескую верность. Вольтер раз в своей переписке упоминает о том декламаторском пыле, с которым Рейналь излагал уже давно известные вещи. В 1782 г. в сборнике мыслей наиболее знаменитых современников мы встречаем также и „*Esprit et génie de l'abbe Raynal*“, согласно издательскому обычаю того времени, о котором уже тогда говорилось: „*Quant on a peu d'esprit on donne celui des autres*“; теперь главный труд Райналя едва ли читается даже специалистами.

Райналь был воспитанником иезуитов, сделался сам иезуитом, но в 1747 году выступил из ордена, чтобы с большей свободой пользоваться парижской жизнью. У него был небольшой приход, которого он, однако, лишился, обвиненный в симонии (так тогда называлось вымогательство при погребении); он, должно быть, уж очень злоупотреблял ею; так как обычно на спекуляцию церковными доходами в Париже смотрели сквозь пальцы, как это в достаточной степени доказывает следующий анекдот: знаменитый аббат Прево подряжался отслужить ряд месс по 20 су каждая, но перепродал этот заказ одному своему товарищу за 15 су; этот же уступил их Райналю, заплатив ему еще меньше. Райналь был честолюбив, любил пожить и не упускал денежных выгод. Ему удалось стать издателем „*Mercure de France*“; власть над начинающими писателями, попавшую ему таким образом в руки, он видимо использовал в том направлении, что с чужой помощью стал составлять более или менее удачные книги, доставившие ему некоторую репутацию. Позднее он играл роль в салонах Гельвеция, Гольбаха и мадам Жофрен.

Его главным трудом было „*Histoire philosophique du commerce des deux Indes*“ (1770 г.), в которой, как скоро выяснилось, сотрудничали наиболее замечательные люди Франции, в том числе Дидро; неизвестно, насколько это сотрудничество было добровольным. Это сочинение выдержало 20 разрешенных и 15 подпольных изданий. В 1780 г. сам Райналь издал новую переработку книги, заключающей резкие нападки на правительство, христианство и религию. Этим он добился славы мученика, гонимого всеми despotaами. Если же верить его врагам, выказывающим к нему только презрение, то Райналь сам подстроил свое мученичество, чтобы вызвать жалость к себе у тех передовых писателей, которые уже тогда собирались публично изобличить компилятора в плагиате. Райналь должен был покинуть Францию, прожил некоторое время вдовольстве в Спа, затем переселился в Берлин, где, однако, престарелый Фридрих, хорошо знавший все личные отношения своих французских любимцев, долгое время не желал ничего слышать о нем. Вскоре после начала революции, Райналь был восстановлен в своих правах Национальным Собранием. Во время террора он остался в живых, но потерял все свое состояние, которое нажил, по общему мнению, книгопродавческими спекуляциями (остается необоснованным обвинение в том, что он разбогател, вкладывая свои деньги в торговлю живым человеческим товаром: неграми и девушками для публичных домов). Нас интересует только его вольнодумство эпохи 70-х годов и несвоевременное отречение от своих взглядов в 1791 г.

Аббат Райналь за 10 лет до возникновения революции предупреждал об опасности королей и клеймил своей ненавистью тиранов. Заблуждение земных владык заключается в том, что они привыкли на себя смотреть, как на существа особого порядка; право создано будто бы только для них, а не для народа. Король-философ Пруссии является идеалом автора; Фридрих, сделавшись окончательно королем буржуазии, должен даровать мир земному миру.

Еще большей свободой отличаются речи бывшего

иезуита о религии и религиозных вопросах; подобно Вольтеру, он говорит о фанатизме и суеверии, не оставляя никаких сомнений в том, что здесь имеются в виду положительные религии Запада. Не дело правительства заботиться о доктринах, сектах и богослужении (образцом здесь выдвигается Китай). Теократии всегда были самым жестоким и безнравственным государственным устройством; если бы у всего света была одна общая религия разума, это могло бы содействовать миру среди людей, но извращенные цари нуждаются в жестоких богах и не могут обойтись без священнослужителей. Попы везде всегда одинаковы: они, руководясь собственной выгодой и высокомерием, стараются о том, чтобы народ пребывал в невежестве. „Религия всюду была изобретением (т.-е. нужно понимать обманом) хитрецов, которые могли получить власть над окружающими только путем ссылки на небесные угрозы“. „У нас смеются над суевериями готтентотов; но наши попы воспитывают нас с юношеских лет среди предрассудков, заставляющих одну страну подымать оружие против другой. Основатель христианства был человек строго нравственной жизни, по профессии бедный ремесленник в иудейском городке; его ученики поверили рассказам о воскресении из мертвых их учителя и преследование, которому они подверглись, обеспечило распространение новой секты. Затем новая вера побеждает, и в ее недрах создается поповская клика, совершенно ни на что непригодная, даже когда она возносит свои моления; этой кучкой людей возвещается учение, вдвойне невероятное, как в силу тех противоречий, в которых оно стоит к жизни, так и в силу невежества попов; эта поповская клика бесчестит религию, основывает ее на преследованиях, и становится самым ужасным врагом страны и народа“. На Рим и папу делаются такие нападки, как будто бы аббат Райналь был реформатором XVI века. Но также и все другие положительные вероучения отклоняются в качестве проявления фанатизма. „Любой священник, если бы он был честен, должен был бы сказать: каждый князь земной, не являющийся лишь палачом в моих

руках, должен мне быть врагом; не существует преступления, которому бы небо не могло придать ореола святости. Фанатик молится: я отправлял, убивал, насиливал, но ты должен мне простить, боже правый, ибо я собственной рукой уничтожил 15 твоих противников. Народ, это стадо глупцов и трусов, можно спасти от фанатизма только при помощи всеобщей терпимости“.

И вот в письме к Национальному Собранию (май 1791 г.) Райналь формально отрекся от всего дела своей жизни, от того, что доставило ему славу несколько лет тому назад. Подобное реакционное выступление против революции, следовательно против духа времени, характеризовало бы мужество нашего писателя если бы можно было предположить в нем подлинную бескорыстность и действительную смелость. Быть может, это был только возглас ужаса, вырвавшегося у филистера, не могущего примириться с действительным воплощением того, что 10 лет тому назад рисовалось одной его фантазии. Аббат Райналь главным образом обрушивается на лозунг равенства и на пренижение королевской власти. Он не доверяет черни и поэтому не хочет ничего слышать о всеобщей воинской повинности. „Всегда найдутся люди, которые действиями каннибалов отыгнут свой путь к свободе, которые при уничтожении злоупотреблений не будут выказывать никакой жалости к потерявшим прежние права; для укрепления новой свободы будет создано народное войско, и во главе его, быть может, станет генерал, подобный лорду - протектору Кромвелю“. Прежний ненавистник тиранов хочет упрочения королевского престола, не только на основании закона, но и при помощи всех тех средств, которые действуют на общественное мнение. Свобода мысли должна быть ограничена в пользу трона. Таковы были последние суждения, последний печальный вздох 80-летнего аббата Райналя за два года до казни короля.

Это заявление вызвало небольшую бурю. В Собрании, правда, Робеспьер старался подыскать извинение измене старого просветителя, но поэт Андре Менье и немецкий фантаст Анахарисис Клоотц, оба ставшие

вслед затем жертвами террора, огласили письма, чернившие аббата Райналя. В том же 1791 году появился памфлет под заголовком: „G. T. Raynal démasqué ou Lettres sur la vie et les ouvrages de cet escrivain“, бьющая метко в цель листовка. Райналя необходимо было разоблачить, так как у него остались еще почитатели и защитники; пришлось заново рассмотреть всю прежнюю писательскую деятельность лицемерного шарлатана, который стол долго пользовался услугами чужих перьев. Ему ставились в упрек не только плагиаты, торговля неграми и живым товаром, не только все его книгопродавческие плутни, но и, прежде всего, его отречение от революции рассматривалось, как самое подлое преступление. Много лет тому назад, выступая против поддержки Францией восставших американцев, он, должно быть, был подкуплен англичанами; теперь, вероятно, его подкупили аристократы. Прежний друг свободы обращается против революции, которая должна преобразить не только Францию, но и все человеческое общество. Когда-то он требовал законодательства, основывающегося на философии; объятый страхом, он берет назад это требование; когда-то он высказывал пожелание, чтобы попы были погребены под обломками своих алтарей, теперь же он оплакивает ослабление пут, налагаемых на страну религией, законом и королевской властью. Теперь он защищает деспотизм, притеснение печати и, вообще, реакцию. Райналь принадлежит к числу людей, любящих революцию лишь постольку, поскольку она им полезна и не требует никаких жертв от своих почитателей.

Возвращение к католицизму, более того, признание власти римского папы, формально стали совершившимся фактом только при Бонапарте, но их можно было предвидеть уже в три последние месяца владычества Робеспьера, с полной несомненностью же—в три следующие года директории. К этому времени (1797 г.) относится мало известная книжка, замечательная как по тому, кем она написана, так и в силу проникающего ее настроения. Полное заглавие гласит: „Du fanatisme dans la langue révolutionnaire ou de la Persecution suscitée

par les Barbares du dix-huitième siècle contre la religion chrétienne et ses ministres“.

Автором был тогда 60-летний профессор литературы и академик Лагарп (собственно говоря Delharpe), до неприятности пустой говорун, с большой, однако, эрудицией, который в начале революции читал свои лекции с якобинской шапочкой на голове, затем в качестве подозрительного попал в тюрьму *) и, должно быть, благодаря только счастливой случайности избежал гильотины. После падения Робеспьера он резко выступил в пользу престола и алтаря, что было тогда еще небезопасно.

Лагарп заявляет в своей книжке, что его взгляды нисколько не переменились. Но достаточно вспомнить лишь одно обстоятельство для выяснения истины. Я могу привести сотни мест из переписки Вольтера в доказательство того, что Лагарп ввел обычай разуметь под термином „фанатизм“—церковь. Вскоре после своего вступления в академию, Лагарп должен был произнести речь в память усопшего Вольтера. В этом своем высокопарном похвальном слове Лагарп назвал себя учеником и другом великого человека и прославлял его: Декарт сбросил иго сколастики, тяготевшее над учеными, Вольтер же разбил скипетр фанатизма, простиравшийся над всем миром.

От веротерпимости, результата всего жизненного дела Вольтера, у Лагарпа в 1797 г. не осталось ничего, кроме кислосладкого признания, что каждый в отдельности гражданин в своей частной жизни может быть неверующим и не обязан посещать церковь, но кто открыто посягает на религию, тот плохой гражданин, кто нетерпим к церкви—тиран. Ответственность за атеизм и гибель Шомета, Марата и Гебера возлагается на „философов“. Философия вызвала революцию, рево-

*) Лагарп был замешан в деле Фабра д'Эглантина, который обвинялся в грязной денежной спекуляции (мы теперь бы сказали—„панаме“). Ловкий роялист, барон фон Бац решил подкупить целый ряд пользующихся влиянием людей; в числе их оказался и Лагарп. Фабр был арестован в январе 1794 г. и казнен три месяца спустя.

люции же посылаются проклятия. Благодаря премудрости божией, она была допущена.

Если бы Лагарп выполнил свой план проследить развитие революционных идей на изменениях революционного языка, то перед нами был бы неоценимый очерк по истории семасиологии, который в настоящее время с большим трудом нужно писать, сопоставляя теологию Мерсье с добавлениями к академическому словарю от 1814 г.; но Лагарп не выполнил своего замысла; только случайно он указывает на новизну встречающихся выражений (*poyard*, *carmagnole*, *anarchiste* — в смысле: тот, который стремится к власти, *reaction domoraliser*) и при этом не упускает выказывать каждый раз свое отвращение к революционному языку; этому академику он кажется чем-то, отдающим помойной ямой.

Мне важен Лагарп только как яркое свидетельство времен директории на относящиеся к эпохе террора атеистические и деистические стремления. Измена Лагарпа делу философии становится здесь несомненной. Предусмотрительная хитрость, с которой Вольтер и энциклопедисты часто заявляли о своей вере в бога, дает старому другу Вольтера лишь видимое право различать между французскими „философами“ и атеистами; он вовсе не имеет в виду философов, совсем сбившихся с пути истинного, не с атеистами он хочет говорить; но далее опять вся философия целиком отожествляется с атеизмом и безбожием (*impôté*). Ни один общественный строй не может существовать без религии и без культа. Но для Лагарпа кажется чем-то ужасным и республиканский календарь, и „верховное существо“ Робеспьера, и, в еще большей степени, богиня разума.

После 1795 г. это говорилось так же и другими. Но Лагарп решается идти дальше. Не боясь опасности обвинения в роялизме, наш автор спрашивает, не сочтет ли потомство казненного короля невинным и доброжелательным венценосцем? Ведь даже директория продолжала вести атеистическую борьбу с богом. Все еще слова „фанатизм“ и „религия“ продолжают иметь одинаковый смысл. Сочинения Ламетри и Дидро издаются

снова, провидение отрицается. Лагарпу нельзя отказать в меткости взгляда, когда он указывает, что место революционного суда занял суд военный; он так же предчувствует военную монархию, но ожидает ее восстановления со стороны претендента древней королевской династии. Подлинные роялисты — это якобинцы, позорные деяния которых расчищают путь для королевской власти. Лагарп стоит за конституцию 1795 г., несмотря на все недостатки последней. Смерть Робеспьера должна была повести к восстановлению естественного порядка вещей; „ничто не представляется невозможным, каждый считает себя способным на все и пригодным для достижения всего, что угодно“.

Наконец, Лагарп отвечает на вопрос, почему в настоящее время он выступает, как христианин, почему он защищает духовенство, злоупотребления которого он раньше обличал. Мнение Лагарпа здесь важно, несмотря на всю свою банальность, так как оно верно отражает настроение французского общества в эпоху директории. „Не нужно быть христианином, чтобы предпринять защиту угнетенных. Сторонникам революции я отвечаю: я христианин, потому что вы не христиане... Философам: обращайте внимание не на мою веру, но на мои писания; если философия дает вам возможность быть людьми, то объедините свои усилия вместе с моими для спасения невинных (только в очень неопределенных словах он указывает, что он подвергся внутренним испытаниям и теперь сделался верующим); но разумные люди не должны спешить с высказыванием своего суждения... Люди, столь легкомысленно упрекающие меня в противоречиях, несомненно забывают, что нигде в моих писаниях нет, слава богу, ничего похожего на оправдание насилия... Если дарованную мне богом силу я раньше не применял к делу, то не из страха перед насилием, но лишь потому, что нужно было выждать соответствующий момент“.

Эти слова не лишены известного бесстыдства; действительно Лагарп всегда выжидал удобного момента, подобно актеру, ждущему реплики, чтобы разразиться

заученной тирадой, которая должна обеспечить ему рукоплескания толпы.

Когда в апреле 1791 г. революция уже шла полным ходом, но о республике не было еще и речи, в одной газетной статье Лагарп представил дело так, будто под его похвалами многообещающему молодому королю на самом деле заключена сатира на недостойных предшественников Людовика XVI, о чём, конечно, в торжественной оде Лагарпа не было и речи. Точно также не было недостатка в стихотворениях в честь Вольтера, французского Софокла, философа, вознесшегося на Альпы; врагу христианской религии также возносились льстивые похвалы, как королю. В одном из своих прозаических сочинений того же времени (1777 г.) Лагарп с навязчивой настойчивостью называет себя другом Вольтера, восхваляет его в особенности, как врага фанатизма и тирании, сам же настолько чужд здесь христианству, что причисляет ненависть к числу величайших добродетелей философа: „Après la gloire de pardonner à ces ennemis la plus grande est de s'en être fait craindre“.

С таким же академическим риторизмом Лагарп обращается к д'Аламберу. Вплоть до начала революции Лагарп остается энциклопедистом чистой воды и охотно выдает себя за сотоварища Вольтера, д'Аламбера и Цидро, пережившего своих учителей. Во время революции, вместе с рядом наиболее замечательных людей Франции (Шамфор, Кондорсе, Байи) он образует радикальную группу в академии, которая вся в целом казалась подозрительным учреждением. После провозглашения республики, он украшает себя якобинской шапочкой и в своем лице преподносит воспитанникам всякого рода революционные стишкы, например: „Le fer il boit le sang, le sang nourrit la rage et la rage donne la mort“ *).

Тerror заставляет его идти еще дальше; в марте 1794 г. он писал, что католическая месса виновата во всех несчастиях Франции.

*) Железо впитывает кровь, кровь питает гнев, гнев же приводит к угрозе

Тематически связанные ссылки

А.Олар. Культ Разума и Верховного существа во время Великой французской революции
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p71004703.htm>

А.Олар. Христианство и Великая французская революция 1789-1802
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70835740.htm>

А.Олар. Церковь и государство в эпоху Великой французской революции
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p85692718.htm>

Я.Захер. Великая французская революция и церковь. В 2 тт.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p96253226.htm>

А.Матвеева-Леман. Праздник Верховного Существа: критический очерк (дискуссия и полный текст)
<http://vive-liberta.narod.ru/discuss/SE.htm>

Я.Захер. Дехристианизаторская деятельность Фуше: очерк из истории борьбы с религией в эпоху Великой французской буржуазной революции
http://vive-liberta.narod.ru/journal/fouchet_zakher.pdf

М.Домнич. Великая французская буржуазная революция и католическая церковь
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p96245069.htm>

М.Домнич. К истории секуляризации церковных имуществ во Франции
http://vive-liberta.narod.ru/journal/domn_clerg.pdf

Парижская коммуна в борьбе с религией и церковью (из архива Шометта)
http://vive-liberta.narod.ru/doc/relig_commune.doc

Парижская коммуна в борьбе с религией и церковью: сб. документов
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm#546090155>

С.Блуменау. Церковные реформы начала революции и французское общество
http://vive-liberta.narod.ru/doc/LKR_relig.pdf

источники и документы

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО
http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_relig.pdf

Якобинские клубы в борьбе с религией (Париж, Тюлле, Лимож)
http://vive-liberta.narod.ru/doc/relig_j-club.doc

Ж.-П.Бриссо. Авторитет отцов церкви
http://vive-liberta.narod.ru/doc/relig_brisson.doc

Дехристианизация в провинции (по протоколам муниципалитетов)
http://vive-liberta.narod.ru/doc/relig_prov_1.pdf

Ж.Дюваль - из воспоминаний о дехристианизации
http://vive-liberta.narod.ru/doc/relig_duval.pdf

Республиканский календарь (новое летосчисление)
http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/index_ccxiii.htm

Персоналии:

д'АЛАМБЕР Жан Лерон 16.11.1717 29.10.1783
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#alambert>

ДИДРО Дени 6.10.1713 30.07.1784
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#DD>

ВОЛЬТЕР (АРУЭ) Франсуа Мари 21.11.1694 30.05.1778
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#V>

РУССО Жан Жак 28.06.1712 2.07.1778
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jjrss>

МОНЖ Гаспар 10.05.1746 28.07.1818
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#monge>

МЕЛЬЕ Жан 1664 1729
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#meslier>

КОНДОРСЕ Мари Жан Антуан Никола 17.09.1743 29.03.1794
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#cnd>

РОБЕСПЬЕР Мари Изидор Максимилиан 6.05.1758 28.07.1794
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR>

МЕРСЬЕ Луи Себастьян 6.06.1740 25.04.1814
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#mercier>

Бонапарт Наполеон (НАПОЛЕОН БОНАПАРТ) 15.08.1769 5.05.1821
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bonp>

ЭБЕР [в тексте неверная транслитерация «Гебер»] Жак Рене 15.11.1757 24.03.1794
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#duch>

ШОМЕТТ Пьер Гаспар (Анаксагор) 24.05.1763 13.04.1794
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#chm>

КЛООТС Жан Батист (Анахарсис) 24.06.1755 24.03.1794
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cloots>

ДАНТОН Жорж Жак 28.10.1759 5.04.1794
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dnt>

ДЕМУЛЕН Камилл 2.03.1760 5.04.1794
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cdem>

ЛАПЛАС Пьер Симон 28.03.1749 5.03.1827
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#laplace>

ПАРНИ де ФОРЖ Эварист Дезире 6.02.1753 5.12.1814
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#parny>

МАРЕШАЛЬ Пьер Сильвен 15.08.1750 18.01.1803
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#marech>

Оффре де ЛАМЕТРИ Жюльен 25.12.1709 11.11.1751
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p127309295.htm>

Лефрансуа де ЛАЛАНД Жозеф Жером 11.07.1732 4.04.1807
РЕИНАЛЬ Гийом Тома Франсуа 11.04.1713 6.03.1796

ЛАГАРП Жан Франсуа 20.11.1739 11.02.1803

АМЕЛЬ Эрнест 2.07.1826 6.01.1898

Жирондисты

http://vive-liberta.narod.ru/discuss/girond_ind.htm